

Юлия
АНДРЕЕВА

ПОСЛЕДНИЙ
РЫЦАРЬ
ТУЛУЗЫ

МАСТЕРА
ИСТОРИЧЕСКИХ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Мастера исторических приключений

Юлия Андреева

Последний рыцарь Тулузы

«ВЕЧЕ»

2009

Андреева Ю. И.

Последний рыцарь Тулузы / Ю. И. Андреева — «ВЕЧЕ»,
2009 — (Мастера исторических приключений)

ISBN 978-5-4484-7134-6

Роман известной писательницы Юлии Андреевой повествует об одной из самых загадочных и одиозных фигур Средневековья – Раймоне Шестом. Рожденный в католической семье, воспитанный наставником-катаром, граф Тулузы, герцог Нарбонны, маркиз Прованса, он прославился своими шестью отлучениями от церкви, громкими разводами и пышными свадьбами. А еще тем, что при жизни не допустил религиозной резни на своей земле. Наверное, потому, умерев, и по сей день самый богатый граф своего времени не удостоился даже могилы!

ISBN 978-5-4484-7134-6

© Андреева Ю. И., 2009

© ВЕЧЕ, 2009

Содержание

Свидетельство рыцаря ордена Иоаннитов Барона Графства де Фуа	7
Анри Лордата О Раймоне шестом, графе Тулузском	
Дом у дороги	8
Таинственные путники	10
Лис в капкане	12
Старые счета	15
Будь я богом – не было бы и дьявола	18
Да минует меня чаша сия	21
Подготовка к поездке, ночной гость	24
Последнее пристанище – начало пути	28
Еще один покойник	31
Суд юного Раймона	33
Распятый дьявол	37
Подлинное предсказание астролога	40
Искушение Раймона	42
Бриллиантовый крест	45
Раймон и куртизанка	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Юлия Андреева

Последний рыцарь Тулузы

© Андреева Ю.И., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2017

* * *

*Смерть не гордись, когда тебя зовут
Могучей, грозной. Жалкие слова!
Кого взяла ты – в вечности живут,
И навсегда моя душа жива.*

Джон Донн

*Мой ангел, наклонясь над колыбелью,
Сказал: «Живи на свете, существо,
Исполненное радости, веселья,
Но помощи не жди ни от кого».*

Вильям Блейк

1 июля 2005 года, во время ремонтных работ в знаменитых подвалах города Каркассон – юг Франции – был обнаружен тайник, в котором находились несколько книг принадлежащих так называемой Церкви Любви, уничтоженной во время Четвертого крестового похода против альбигойцев, и ларец с рукописью.

Судя по записям, имеющимся на пергаменте, в который была завернута рукопись, личным печатям и подписям, этим документом опальные катары дорожили словно сокровищем.

Это было свидетельство написанное телохранителем Раймона Шестого¹ Анри Лордатом о своем господине.

Рукопись проливает свет на одну из самых загадочных и одиозных фигур Средневековья – на графа Тулузы, герцога Нарбонна, маркиза Прованса Раймона Шестого, прославившегося своими шестью отлучениями от церкви², громкими разводами и пышными свадьбами, да еще тем, что умерев, по сей день самый богатый граф своего времени не удостоился даже могилы.

Неожиданное свидетельство Анри Лордата открывает правду о подлинной роли Раймона Шестого в истории Лангедока и его святой миссии.

В конце рукописи Анри Лордата сделаны три более поздние приписки: свидетельство хранившего документ библиотекаря аббатства Сен-Хритиан, подписавшегося «брат Иосиф», подтверждающего верность предсказания астролога из Анжу, составившего гороскоп Раймона Шестого и предрекшего ужасную долю и благородную миссию ныне

---

¹ Раймон VI (1156–1223). В 1194 г. стал графом Тулузы, в 1194 г. – вступление на престол в Сен Пьер де Кюизин. Правил 28 лет. Был 6 раз отлучен от церкви.

² 1195 г. – первое отлучение от церкви. 1207 г. – второе отлучение от церкви. 1208 г. – третье отлучение от церкви. 1210 г. – четвертое отлучение от церкви. Папа Иннокентий III сам подтвердил его приверженность к католицизму, и Раймон послал ему подать, к чему приложил драгоценный камень, который снял прямо с пальца, плащ и коня, капитул сопровождал Раймона в Рим с помпой. 1211 г. – пятое отлучение.

проклятого графа Тулузы. А также сообщающего, что уже после смерти автора в 1839 году церковь госпитальеров, в которой было захоронено обезглавленное тело Раймона Тулузского, была разрушена;

свидетельство магистра ордена иоаннитов о полном оправдании графа Тулузского папой Иннокентием Четвертым и признании его добрым католиком;

свидетельство опального епископа Церкви Любви города Каркассона Пьера де Шатору, сообщающего о том, что Раймон Тулузский был канонизирован церковью катаров, которая признавала его своим святым мучеником.

Свидетельство рыцаря ордена Иоаннитов Барона Графства де Фуа Анри Лордата О Раймоне шестом, графе Тулузском

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Во имя Непорочной Девы Марии и матери нашей Святой церкви. Аминь.

Мое настоящее имя Анри Лордат, хотя все вокруг знают меня под именем Анри Горгулья – так называют чудовище, окаменевающее днем и оживающее ночью. Горгульи часто превращаются безобидными статуями на крышах соборов и храмов, так что ни кому не приходит в голову, усомниться в их природе. Были и других прозвища, но с этим, меня похоже похоронят.

Я происхожу из одного из самых знатных домов Лангедока – баронов Лордат, ведущих свой род от богини луны Белиссены. Следовательно, я состою в родстве с графами де Фуа, а через них с благородным правителем Тулузы, ведущим свой род от легендарного готского князя Гурсио.

Мне доподлинно известно о том, что во всем графстве Фуа, не отыщется замка не принадлежащего сыновьям Белиссены. Я родственник баронов де Вердюн, Арнав и Рабат – самых сильных и влиятельных домов в графстве Фуа. Я седьмой законнорожденный сын Карла и Катрин Лордат.

Тем не менее я никогда в жизни не носил имени своих благородных родителей и не претендовал на их земли.

В детстве моими игрушками были наконечники стрел и кинжалы. Я был посажен на коня, раньше чем встал на ноги и начал ходить. А в шесть лет убивал мелкую дичь, охотясь в лесах и помогая тем принявшей меня на воспитание семье. В семь лет я впервые убил человека, этот день совпал с первым причастием в общине катар, очистившим меня от греха. Как оказалось ненадолго.

Всю свою жизнь я был воином, более тридцати лет состоял при графе Тулузы Раймоне Шестом – том самом, что был отлучен от церкви шесть раз. И останки которого разворовали подлые крысы, а череп забрал аббат ордена госпитальеров, в сущности, та же крыса, только поздравнее и пожаднее. В сокровищнице госпитальеров по сей день хранится череп моего хозяина и друга. Не верите – проверьте. Нынешний приор показывает его гостям, словно какую-то редкую диковину. Череп графа Тулузы, который так и не нашел успокоения.

О нем молюсь я.

Сейчас, когда моего хозяина уже десять лет как нет на свете, и находятся трусы и клеветники, желающие поносить в своих вздорных памфлетах имя Раймона Шестого, мой долг – долг преданного вассала, дворянина, личного телохранителя и друга, рассказать наконец правду о своем сеньоре. Пока смерть не запечатала мне уста, пока тверда память и в моих жилах течет кровь славных сыновей Белиссены, а на знамени моего рода сияет полумесяц, возвышается неприступная крепость и плещется рыба.

Но прежде чем начать рассказывать о своем господине, мне придется поведать свою скорбную повесть. Рассказать о своей семье и злоключениях свалившихся на головы моих родителей. О своем рождении, и почему так приключилось, что я потерял дом, утратил фамильную честь и благословение семьи.

Дом у дороги

Мой отец, как я уже говорил, происходил из одного из самых знатных семейств Лангедока Лордат. Он был четвертым сыном прославленного Вильгельма Лордат, получившим от своих родителей лишь малую толику семейных богатств, а именно тощий кошелек, верный меч, да несколько десятков слуг. Желая умножить состояние и прославить во веки веков свое имя, он ввязался в повстанческую войну за французский трон, примкнув к одной из воюющих сторон. Силы были приблизительно равны, но как это часто случается, в последний момент пришла подмога к врагам в лице отрядов Генриха Второго Английского³. Перевес сил оказался решающим, сопротивление было подавлено, и компания, сея, потерпела крах, после чего мой отец был вынужден затаиться вместе со всей семьей, в крошечном замке в черных горах Тулузского графства, где он и прожил три ужасных года. За это время мои родители похоронили двух старших дочерей, не выдержавших голода и лишений, и зачали меня.

В день, когда я появился на свет, с восточной стороны от нашего замка поднялся черный дым. Горела деревня, отец хотел броситься на помощь людям, как это и подобает доброму сеньору и благородному рыцарю, но примчавшийся гонец сообщил, что к замку приближаются отряды его заклятого врага Генриха Второго, по устоявшейся привычке ураганившего в этих краях. Численность воинов, стоящих под знаменем с веткой цветущего дрока, превосходило число слуг моего отца в несколько десятков раз.

Отец приказал всем собираться, в этот момент его тяжелый взгляд упал на бедное, забрызганное кровью ложе жены, рядом с которым лежал новорожденный младенец, и уста произнесли приговор.

– Этот ребенок должен умереть, – отрезал отец и, грубо схватив младенца перчаткой для соколиной охоты, с которой он не расставался, повернулся к дверям.

– Ты не сделаешь этого! Ведь это твой сын! – закричала мать, из последних сил поднявшись на ложе.

– Сделаю. Остаться здесь невозможно, с пятью десятками слуг я не могу защитить стены. А значит, мы должны отступить. Предстоит долгий и тяжелый переход. Ребенок все равно не выдержит. А мы – мы должны побеспокоиться о других детях, или ты хочешь, чтобы все они погибли? Оденьте госпожу, помогите ей лечь на телегу. – Не глядя, приказал он слугам и вышел во двор. Вслед за ним выскочил его преданный друг и верный вассал Мишель де Савер.

Граф небрежно сунул ему ребенка, приказав, бросить сына в ближайший колодец и догонять его.

Вокруг творилось что-то неописуемое – грязные крестьяне из соседних деревень ищущие спасения за стенами крошечного замка, лошади, повозки, домашняя скотина, грязная разбавшаяся дорога, слезы и страх.

Надо ли говорить, что де Савер не посмел уничтожить младшего сына своего сеньора. Вместо этого он решил предоставить все судьбе. Он быстро сбежал с холма, на котором стоял замок, и, оказавшись на охотничьей тропе, исчез за деревьями, только его и видели.

Мишель де Савер отнес ребенка в одну из ближайших деревень, и оставил на попечение уже содержащей несколько ребятишек бабе, бросив в ее фартук монеты. А сам принялся догонять своего сюзерена, но так и не нашел его. В местечке, где граф должен был устроить привал,

---

³ Генрих II Плантагенет, по прозвищу *Короткий Плащ* (англ. *Henry II Curtmantle*), первый английский король из династии Плантагенетов. Был прозван Плантагенетом за привычку украшать шлем веткой дрока (*planta genista – lam.*) Родился: 25 марта 1133 г., Ле Ман, Франция. Умер: 6 июля 1189 г., Шинон, Франция. Похоронен: аббатство Фонтевро, Анжу, Франция. Титулы: герцог Нормандии (1150–1189), граф Анжуйский, Турский и Мэнский (1151–1189), герцог Аквитании (1152–1189), король Англии (1154–1189), суверен Ирландии (1171–1175).

валялись обожженные трупы людей и животных. Еще дымились останки бедных хижин. Судя по всему, граф заранее заметил зарево и приказал свернуть с дороги, дабы не попадать из огня да в полымя.

Обыскав окрестные горы и два раза наталкиваясь на засаду, де Савер отказался наконец, от бесполезных поисков, решив спасти свою жизнь.

О графском ребенке он вспомнил через шесть лет, явившись за мной в дом к приемной матери. По его словам, я не умел говорить, но зато был высокого для своего возраста роста, и достаточно крепко сложен. Я хорошо лазил по деревьям, разоряя птичьи гнезда, ловил мышей и мог сразиться даже со здоровой крысой или вороной. Я сам смастерил для себя некое подобие пращи и умел поразить цель. Мало этого, однажды, бродя в окрестном лесу в поисках поживы я нашел нож, с которым затем не расставался, выхватывая его из-за пояса всякий раз, когда кто-то пытался отобрать мою добычу или сказать слово против.

Благодаря этим моим талантам приемная мать и ее пять воспитанников выжили во время страшного голода.

Моя приемная мать Мария дочь сапожника из Периге, вдова деревенского лекаря – я не помню ее лица, вообще ничего не помню об этой женщине. Хотя до сего дня сохранил в памяти образ первого голубя, которому я с голодухи, оторвал башку. Она считала меня маленьким дьяволенком, и не извела ядом как свою старшую воспитанницу, забеременевшую от звонаря, только потому, что я был ей полезен.

Слава войне и голоду, царившим в тех местах, я остался жив.

Мессен де Савер сообщил мне, что я должен идти с ним, а когда я заупрямился, схватил меня за шиворот и разоружив, поволок к своему коню. Но по дороге я с таким остервенением вцепился зубами в его перчатку, что вырвал добрый кусок кожи, после чего, проклиная все на свете, господин де Савер сел рядом со мной на камень и принялся уговаривать меня ехать добровольно, обещая подарить меч, и научить им пользоваться. Так я стал воспитанником де Савера, а заодно и его учеником.

К тому времени бывший вассал моего отца открыл нечто вроде школы, в которой готовил мальчишек к нелегкой воинской службе. Правда, воинов вокруг и без того было не мало, но ту подготовку, которую давал де Савер, богатые сеньоры и купцы, занимающиеся перепродажей молодых воинов, ценили на вес золота.

В школе сеньора де Савера наряду с владением мечом, ножом, луком, новым оружием арбалетом и всеми видами копий нас обучали различать, использовать и изготавливать яды. Мы развивали способность видеть в темноте и красться подобно диким кошкам. С легкостью ученики школы штурмовали самые непреступные стены и осуществляли поджоги. Так что, нас можно было использовать как в роли наемных убийц, так и в качестве военачальников, разведчиков и телохранителей.

Однако, я уже сказал, что ученики де Савера ценились на вес золота, а это значит, что далеко не каждый даже очень богатый человек мог позволить себе иметь такого слугу. Поэтому многие нанимали нас на разовые работы, после которых мы неизменно возвращались к своему учителю.

Когда же работы не было, мы искали тех, кого можно было взять в заложники, и, захватив, держали в специально оборудованном для этой цели доме в горах, пока родственники или сеньоры не желали заплатить за них выкуп. Поиском «жирных» занимались все ученики школы от мала до велика, ведь наводка давала верный процент с выкупа, так что можно было даже не участвовать в вылазке, а быть при барышах. Хорошее было время.

Таинственные путники

Однажды, когда я вернулся с очередного задания, данного мне учителем, а значит, принес ему звонкую монету, мессен де Савер велел мне отдыхать, положенные по договору семь дней без появления в ближайших замках и городах. Это была обычная мера, позволяющая убедиться в том, что за выполнившим работу учеником не было хвоста, а так же, что тот не объявлен в розыск.

В течение недели я был предоставлен самому себя, никто, даже сам де Савер не могли заставить меня выполнять даже самую незначительную работенку. Так что с самого утра я брал с собой верный лук и отправлялся на охоту или скакал на коне по лесам и горам, наслаждаясь свободой и покоем.

В тот день, о котором мне хотелось бы рассказать, я выслеживал лань. Деяние, мягко говоря, не приветствующееся в графских лесах де Фуа, во всяком случае, обнаружь меня за таким занятием замковые лучники, и на моей шкуре добавилось бы отметин.

Притаившись за кустом ракиты, я выслеживал крупную самку, с натянутой тетивой и готовой поразить цель стрелой, когда ее спугнули. Я повернул голову, на всякий случай не ослабляя тетивы.

Вскоре на тропинке появились всадники. Четверо невзрачно одетых мужчин, дама в мантилье и мальчишка лет шести в шерстяном плаще с увесистой серебряной цепью на груди. Кто они – эти люди? Враги или друзья? Они могли быть заказчиками учителя или случайно сбившимися с дороги гостями властелина этих мест благородного инфанта Фуа Раймона Роже. А значит, их следовало пропустить. С другой стороны – все шестеро могли быть шпионами, присланными с целью погубить учителя и школу.

Мальчишку я не исключал, так как сам сделался учеником де Савера в этом возрасте, а в десять лет в Тулузе ко мне уже приклеилось прозвище Черный Лис, и за мою голову было положено вознаграждение достойное тройного убийцы и поджигателя.

Когда путники приблизились к моему убежищу на столько, что я сумел различить, о чем они говорили, я понял, что дама и ее сын были пленниками подозрительной четверки.

Я освирепел! Ученикам школы мессена де Савер равно как и орудуящим по соседству конкурентам, под страхом немедленной смерти, запрещалось нападать на людей близ его владений. Все мы свято чтили это правило, так как никто не хотел, чтобы по этим следам до нас добрались лучники. Но эти четверо – были еще и чужаками, которые по неосмотрительности или злой воле могли навести на школу гнев властей.

Не меняя положения тела, я выпустил одну за другой три стрелы, сразив трех разбойников, четвертый встретился с моим ножом, который я метнул ему в горло. После чего я вышел из своего убежища, желая успокоить даму.

Из сбивчивого рассказа госпожи, я понял, что они гости Раймона Роже, которые были перехвачены разбойниками, во время прогулки около ворот замка. Посочувствовав даме, я взял подусты ее лошадь, и, рассказывая глупые истории о рыцарях и дамах, которых знал достаточно, вывел их на дорогу.

Когда до замка де Фуа оставалось рукой подать, я раскланялся с благородной сеньорой, ссылаясь на массу неотложных дел и скорбя о том, что не смогу проводить их хотя бы до ворот и получить заслуженную награду из рук достославного хозяина этих мест.

Дело в том, что Раймон Роже, хоть и являлся хорошим трубадуром, больше известным под именем Раймон Друт и галантным рыцарем прекрасных дам, но имел отличную зрительную память и весьма крутой нрав, и казнил бы меня без суда и следствия, окажись я в его власти. Поэтому я быстро нырнул в лес, и только меня и видели.

Кто бы мог предположить, что судьбе будет угодно, чтобы я встретился с ними уже через десять дней?

Лис в капкане

По истечении срока вынужденного безделья в лесах Фуа, я отправился к своей голубке прачке из Тулузы Люси, с которой встречался время от времени. Войдя в дом через черный ход, я как обычно огляделся по сторонам, проверил все запоры и засовы, и уж потом обнял и поцеловал свою милашку, сев с ней за стол, где меня ждал кувшин молодого вина.

Люси налила полную кружку, пристроившись рядом со мной и подперев пухленькую щечку кулачком, как она это любила делать. Но едва я отпил первый глоток, неизвестный яд свалил меня с ног, так что я даже не успел сунуть руку в кашель с противоядием.

Я очнулся на следующий день в подвале тулузского замка от того, что мне на голову начали лить холодную воду. Я был безоружен, шею и руки давили деревянные колодки, ноги были спутаны цепью. Все тело нещадно болело, левый глаз заплыл, губы распухли, во рту ощущался вкус крови. Должно быть, схватившие меня копейщики, прежде всего, отходили меня сапогами, а уж потом отправили в тюрьму.

Мне помогли напиться и потащили наверх в небольшую залу с камином и разложенными и развешенными повсюду орудиями пыток. В большом удобном кресле ближе к огню сидел сам тулузский граф. Я и прежде видел Раймона Пятого, и не смог бы спутать его ни с кем.

Стражники поставили меня на колени. Все это время я безуспешно пытался освободить руки. Если бы допрос затянулся, это можно было бы устроить. Рядом с Раймоном трудился писарь. Заметив на полу следы крови, я понял, что не первый здесь сегодня.

– Итак, неужели сам Черный Лис пожаловал в мой курятник? – Раймон с довольным видом рассматривал меня, взгляд его при этом был вполне дружелюбным. Это наводило на мысль, что хозяин Тулузы давно уже принял решение на мой счет. – Признавайся шельмец, дом цирюльника у площади ты поджог? Девку у жида ты упер? Я уже не говорю о разбоях на большой дороге. Сколько же времени мои доблестные рыцари за тобой поганцем бегать должны? Ну – отвечай, не то прикажу раздеть донага и нашипую твою задницу раскаленными углями. Черти в аду застонут.

– Его вина давно уже доказана, ваша милость, – поднял голову писарь, – пока этот ухарь в подвале отлеживался, сюда приходили и жид и цирюльник и лучники, что его в прошлый раз упустили. Они уж его опознали что надо, едва стражники подоспели, а то пришлось бы вместо суда закапывать где-нибудь у большой дороги.

– Ну, если вина доказана – приказываю повесить мерзавца. – Граф махнул в мою сторону платком. – Все понял, сучье отродье? Вопросов нет? А нет, так нет, хуже кислого уксуса ты мне надоел.

«Повесить», – записал в свою книжку писарь.

– Ладно, с этим покончено, давай следующего.

– Прошу прощения, господин де Савер, за которым вы изволили посылать, сейчас в приемном зале и ожидает вас. Так может, примите его перед следующим разбойником или... – Писарь смотрел сквозь меня своими прозрачными рыбьими глазами, так, словно жизнь моя уже закончилась, и сам я не что иное, как бесплотный дух.

– Стефан!

К графу подлетел дежуривший у дверей паж.

– Стефан, мальчик мой, скажи господину де Саверу, чтобы спустился сюда. Он мне срочно нужен. Так что поторапливайся, милый, одна нога здесь, другая там...

Паж поклонился и выскочил вон.

«Мишель де Савер здесь! В замке! У графа! – Это могло дать шанс, но могло и отобрать последнюю надежду». Я напряг мышцы, и преодолевая боль, постарался вытянуть кисть правой руки, выворачивая сустав большого пальца и чуть не теряя при этом сознания от боли.

Учитель не заставил себя долго ждать. Вскоре я различил его шаги. Он вошел в зальчик, демонстративно оттолкнув замешкавшегося пажа, и закрыл за собой дверь.

– Простите меня, мессен, – де Савер отвесил Тулузскому глубокий поклон, – но при моей работе крайне нежелательно, чтобы меня кто-то здесь видел, и слышал наши разговоры.

– Да, да, мой друг. Я все понимаю. – Раймон подал учителю свою худую, униженную перстнями руку, которую де Савер церемонно поцеловал. – Наша тайна не выйдет из этих стен. Петра из Нанта ты хорошо знаешь, – он небрежно кивнул в сторону писаря, – что же касается этого молодчика, то он будет повешен в самое ближайшее время. Впрочем, если ты опасаешься, что он выдаст нас во время казни, я распоряжусь, чтобы сначала ему отрезали язык. – Граф чарующе улыбнулся.

Учитель кинул небрежный взгляд в мою сторону, я затаил дыхания, ожидая, что он метнет мне в горло нож.

– Хорошо, ваша милость, если вы желаете говорить здесь, я также не имею возражений. Итак, из вашей шифровки я понял, что вы желаете получить от меня парня годного на роль телохранителя для вас и вашего старшего сына.

– Да, это так. Мне нужен человек, который будет оставаться в моем распоряжении долгие годы. В моем, эн Мишель, а не в вашем. И я бы хотел сам платить этому парню, с тем, чтобы вы не забирали от него денег за учебу, или за что вы там обычно забираете.

– Я беру пятьдесят процентов, – развел руками де Савер. В течение каких-нибудь десяти лет, в то время как, если вы выплатите мне эту сумму вперед, а парень нарвется на нож или позволит себя уколошить, каким-нибудь иным способом, вы же сами начнете требовать с меня неустойку. А так – все чинно и благородно – он служит, я получаю деньги. Он погиб – я ничего не получаю. Зачем мне вводить вас в такие расходы? Это было бы неблагородно с моей стороны и несправедливо по отношению к моему главному заказчику и господину.

– Я заплачу тебе то, что должен будет заплатить он. Только дай мне лучшего своего ученика. Слышишь де Савер – самого лучшего. Речь идет о моем будущем и о будущем моего рода!..

– У меня есть такой человек. – Скромно поклонился де Савер, бросив на меня быстрый, словно кинжал, взгляд.

В этот момент я вывернул второй палец, и высвободив руку, начал распутывать веревки стягивающие колодки.

– Когда же ты сможешь предоставить его мне?

– Прямо сейчас. – Де Савер вновь поклонился Раймону. – Разрешите представить, лучший ученик моей школы Анри Горгуля, больше известный под прозвищем Черный Лис.

В этот момент колодки со звоном упали на пол, а я, на сколько это позволяла цепь на ногах, склонился перед своим новым сюзереном в церемониальном поклоне.

– Но это же поджигатель и убийца! Это разбойник с большой дороги и растлитель малолетних! Вся Тулуза от него плачет! Он семь лет в розыске, и только сейчас...

– Да. Вам известно, что моих учеников нередко нанимают и для таких дел, – не моргнув глазом, продолжил де Савер. – Этот парень прекрасно владеет любым видом оружия, он молод, силен, пронырлив и крайне умен. Кроме того, он происходит из одного из самых известных домов Лангедока, в чем я готов дать свое поручительство. Признаться, я бы не посмел рекомендовать вам простолюдина. Юноша – сын старого барона Карла Лордат, живущего ныне святой жизнью среди катар, у которого я много лет служил, младший брат нынешнего барона Пьера Лордат.

– Но... – Граф был в явном замешательстве. – Но я же повелел повесить этого негодяя.

– Так повесьте, – усмехнулся де Савер. – Что у нас мало негодяев? Повесьте кого-нибудь, назвав его Лисом. Можно даже сначала, как вы предлагали, вырезать ему язык, чтобы не бол-

тал лишнего, а потом повесить. Лис умрет, а у вас появится новый телохранитель, скажем, присланный из Англии. Как вам такая версия?

– Что ж... – Граф оглядел меня с головы до ног. – Лучший ученик стало быть? Да... что разбойничек, будишь служить мне и моему сыну? Присягнешь или с лавки сиганешь? Что выбираешь – крест целовать или мертвым лежать?

– Присягаю служить вашей милости верой и правдой до самой моей смерти. – После этих слов я сорвал с ног цепи и упал на колени, перед своим новым господином, целуя его одежды.

Надо отдать должное Раймону Тулузскому – зная мою репутацию и догадываясь о физической силе и подготовке, он не шелохнулся, когда я повалился перед ним ниц и даже дружелюбно протянул мне руку для поцелуя.

– Служи, мой друг. Служи. Не то всю вашу школу под корень вырежу, мне без толковых людей плоховато будет, но и вам, коль предадите, не жить. – С этими словами он поднялся и, сняв с себя плащ, покрыл им мои плечи. Вместе мы вышли из пыточного зала. Я старался не хромать, разминая на ходу затекшие ноги. При виде моего побитого лица служанки прятали глаза.

Раймон шел передо мной не оборачиваясь. Если бы было нужно, я мог бы убить его сотню раз. Но я не собирался этого делать. Сбылась заветная мечта. Я на службе, оправдан и обелен. Черный Лис умер, Анри Горгулья будет жить. Прощай ночные вылазки, одноразовые заработки. Прощай густые леса и беспрестанная опасность. Теперь я смогу жить как все люди, завести свой домишко, подкопить деньжат, жениться, наплодить кучу детишек и разобраться, наконец, со своей настоящей семьей вышвырнувшей меня из своей жизни. Аллилуйя!

Мы остановились около изукрашенной деревянными цветами двери, у которой Раймон постучался, и когда служанка открыла дверь, вошел сам, велел нам следовать за ним. Посреди небольшой залы за вышиванием сидела дама. Рядом с ней на полу играл в деревянных рыцарей мальчишка.

Дама приветливо улыбнулась нам, сказав пару слов Раймону, и избегая смотреть на мою побитую физиономию, в то время как ребенок вдруг вскочил со своего места, и, издав боевой клич, бросился ко мне.

– Папа, папа! Это же тот самый рыцарь, который спас нас с матушкой от грабителей! Мама – подтверди!

Ошарашенная графиня взглянула на меня, и в глазах ее заблестели благодарные слезы.

– Да, сын мой, вы совершенно правы! Это тот самый молодой человек, совершивший беспримерный подвиг и скромно удалившийся, не дождавшись благодарности, и не назвавший даже своего имени. Сам подвиг и последующее поведение, по истине, достойно древних.

– Забавно, мой друг, – Раймон подхватил на руки пацана, целуя его в щеку, – оказывается, еще до того, как поступить ко мне на службу в качестве телохранителя, вы уже отличились тем, что спасли жизни моих близких. Такое не забывается! Сходите к казначею, скажите, чтобы дал вам сотню золотых и примите мою личную благодарность.

Так я стал телохранителем Раймона Пятого и его юного сына, Романа, которого после будут называть Раймоном Шестым.

Старые счета

Моя жизнь в тулузском замке протекала спокойно и более чем мирно, ни в какое сравнение не идет со школьными годами. При дворе Раймона Пятого было полно музыкантов и трубадуров, то и дело устраивались рыцарские и поэтические турниры, охоты и конные прогулки, часто двор со всей помпой, каретами, слугами и музыкантами отправлялся куда-нибудь в живописные места. Иногда знать отправлялась в буйные паломничества, или все неслись на турниры и празднества в окрестные замки или города.

Я даже умудрился один раз отпроситься на пару месяцев для того, чтобы познакомиться, наконец, со своей семьей.

Мои благородные родители были еще живы, но, о горе, вступили в секту еретиков катар, и, оставив старшему сыну, моему брату замок и половину земель – жили теперь среди «добрых людей», которые вместе с этой полоумной парочкой оторвали от семейного пирога несколько нехилых деревень.

Община произвела на меня удручающее впечатление, моя мать вышла мне навстречу, одетая в черную хламиду с распущенными волосами, которые доходили ей до колен. В этом нелепом виде она походила на престарелую русалку. Отец был безбородым и тоже длинноволосым, его голову венчала тиара. Так же как и матушка, он был одет во все черное. В первый и последний раз я видел человека обрекшего меня на верную гибель.

Какое-то время мы молчали.

– Я ваш седьмой сын, – наконец выдал я.

– Ты сын божий, впрочем, так же как и мы. – С поистине королевским достоинством отвечал отец.

– Я тот самый ребенок, которого вы приказали утопить в колодезье! – Гнев выжигал слезы, руки тряслись. Я смотрел в безмятежное лицо моего погубителя-отца, испытывая жгучее желание рубануть по нему мечом.

– Ни я, ни кто другой не может обречь другого человека на смерть. Все мы в руках Господа, – загнул отец.

– И Господь любит тебя! – вторила ему мать. Взвзвываясь за руки, они пропели короткую молитву, переглядываясь и улыбаясь друг дружке, словно молодожены.

– Отчего вы носите черные одежды? – Не понятно зачем спросил я. Гнева уже не было. Его место в груди заняла гулкая пустота.

– Это траур по нашей жизни, по тому аду, который каждый из нас встречает на этой земле. По тому, что еще ждет этот пропащий край и всю землю. – Серьезно ответил отец. – Это траур по тебе, мой мальчик, по человеку, забывшему кто он такой и откуда. По человеку, который и не человек вовсе, а небесный ангел, который...

Я развернулся и вышел за ворота обители. Отец еще долго бежал за моим конем, путаясь в своих черных одеждах.

– Мир не таков, каким его привык видеть ты! Совсем не таков, – кричал он, – мы все жили когда-то в Раю, но потом нечистый заманил нас на землю и лишил памяти. Вспомни, сын мой, райские кущи, вспомни свой настоящий дом и своего настоящего отца, которого ты утратил. В Евангелие сказано – Бог есть любовь. Открой свое сердце любви...

– Прочь. – Я прищипил коня и не оглядывался, пока не умчался из этого проклятого места.

Своего брата я нашел в нашем фамильном замке. Представляясь ему, я не забывал держать руку на рукоятке меча. За поясом было припрятано несколько легких и молниеносных в моих руках ножей.

Пьер был старше меня на два года, его волосы были так же черны, как и мои, кроме того, он был всего на полголовы ниже меня, и почти что так же, как я, широк в плечах. Если бы ни мои слова и письмо, написанное Мишелем де Савер, ему было бы достаточно подойти вместе со мной к металлическому зеркалу, висящему тут же в зале и убедиться в фамильном сходстве.

– Мне все равно кто ты – законный сын моих родителей или ублюдок, которого родила моя мать, спутавшись с сокольничим или лучником. Если отец велел убить тебя – на то был повод. Но даже если ты и законный сын моих родителей и подлинный Лордат, ты не получишь ничего. Замок почти что разорен, за последнее время милостью наших родителей, мы лишились доброй половины своих земель. Кроме того, я старший сын, и даже если тебя и признают по суду, ты все равно не можешь рассчитывать ни на что из того, что по закону имею я. Иди и найди себе службу, или женись на богатой вдовушке. По праву нынешнего главы рода я готов благословить тебя на любое из этих славных дел. Но только это.

Мысленно я поклялся отомстить заносчивому братцу. И как это часто бывает, подходящий случай не заставил себя долго ждать. Заливая свою обиду в деревенском трактире, я вызнал, что Пьер помолвлен с дочерью богатого барона, которую он видел лишь раз, когда им обоим было лет по десять. Свадьба должна была состояться через три месяца, как раз после сбора налогов.

Я решил опередить братца, и заявился к его нареченной. Шестнадцатилетняя баронесса была белотела и светловолоса. Ее голубые, поистине небесные, глаза излучали дивный свет, а звуки голоса заставляли забыть все печали. Я представился ей именем брата, сказав, что специально приехал к ней раньше срока, для того чтобы убедиться в ее добрых ко мне чувствах и расположить к любви.

– Я не хотел бы, чтобы наш союз был лишь торговой сделкой. Я мечтаю видеть в своей жене не просто женщину, которая подарит мне сыновей, и с которой я продолжу род баронов Лордат. Я хочу найти в ней неземную любовь, любовь до гроба, любовь, побеждающую смерть.

В школе господина де Савера мы обучались не только владению оружием, но и трубадурскому искусству. Кроме того, мне было восемнадцать лет, я был очень высоким и стройным, с черными шелковистыми волосами ниже плеч и в ладно скроенном платье, которое я приобрел на деньги хозяина. Словом, я быстро добился взаимности, встречаясь с ней в ночной тиши великолепного сада, где в беседках мы придавались любовным утехам.

Ко дню, когда должен был прибыть мой ненавистный братик, она призналась мне, что беременна.

Зная от своих слуг, что Пьер со свитой остановился в дне пути от Лурда, где находился замок прекрасной Амалии, я отлучился от нее и, напав на брата, скрестил с ним мечи. Тяжело раненного Пьера я бросил в канаву и затем вернулся в баронский замок, где сразил свою даму неожиданным признанием.

– Да, я не Пьер Лордат. Я Анри Лордат – его младший брат. Я убил твоего жениха, потому, что я люблю тебя.

Услышав это, прекрасная Амалия сначала залилась слезами, а потом велела мне доподлинно объяснить, где я бросил тело Пьера, и, собрав слуг, и надев теплую накидку, отправилась на поиски. Мне пришлось ехать с ней, для того чтобы показывать дорогу. За весь путь мы не проронили ни единого слова.

Найдя брата, я понял, что он к удивлению моему еще жив. Амалия велела осмотреть Пьера своему лекарю, после чего, когда его уложили в карету, она подошла ко мне и тихо, но властно, велела убраться прочь.

– Я полюбила вас сеньор чистой любовью. Теперь же моего ребенка отдадут на воспитание чужим людям, а я сама от позора должна буду закрыться в монастыре, где и проведу оставшиеся мне годы. Молите Бога, чтобы ваш брат выжил, и чтобы душу вашу не испоганила печать Каина. Я тоже буду молиться за вас. Прощайте.

Потерянный и убитый я вдруг понял, что люблю эту женщину. Я просил ее бежать вместе со мной в Тулузу, где добрейший граф Раймон без сомнения благословит наш союз. Но она осталась непреклонной. Пьера положили в карету, и вскоре процессия скрылась за поворотом дороги.

Я снова остался один.

Потом, через пару лет я узнал, что Пьер не отказался от спасшей его Амалии и моей дочери. К слову, после нанесенного мною ему ранения, он уже не мог иметь собственных детей. Таким образом, моя девочка сделалась законной наследницей Лордат. Ценой, которую я заплатил за это, было честное слово, никогда не искать встречи с Амалией и дочерью, и до самой смерти Пьера и его жены не открывать ей правды, о ее происхождении.

Будь я богом – не было бы и дьявола

Мучаясь от неизвестного мне до этого чувства вины, и пытаюсь забыть укравшую мое сердце мадонну Амалию, я невольно возвращался мыслями к своим родителям, ставшим катарами. Были ли они правы? Можно ли с твердостью сказать, что вот эта вера является истинной, а та ложной. Как разобраться во всех этих сложностях, если ты не Бог? Зачем разбираться? Тулузское графство состояло на половину из добрых католиков и почти на половину из катар. Были, конечно, и другие церкви и религии, но они представляли меньшинство, и я не буду тратить на них время.

Несмотря на явные противоречия доктрин, в доброй Тулузе католики и катары уживались на правах добрых соседей. В одной семье могли жить католики и катары не мешая друг другу. Выходя из своего дома, житель Тулузы мог отправиться сначала в трактир к католику, потом в харчевню, хозяин которой почитал Совершенных. А где и у кого оказывался после... да какое это имеет значение?..

Большинство тулузских дворян и рыцарей были катарами или симпатизировали им. Совершенные ходили босиком, и не ели мяса, не желая осквернять себя мертвечиной. Главы католической церкви разодевались в драгоценные одежды, унижая персты дорогими перстнями. Давшие обед бедности – монастыри постоянно увеличивали свои владения, пополняя закрома и сокровищницы, а рыцарские ордена зачастую мало чем отличались от разбогатевших на чужом горе разбойников, управляющих теперь собственными наемниками.

Поэтому неудивительно, что народ симпатизировал катарам, а не католикам.

Видя такое отношение к новой религии Раймон Пятый был вынужден пригласить к своим детям в качестве наставников католического священника и Совершенного. Столь прогрессивное решение стоило ему немалой крови, так как в 1163 году, приблизительно через год после того, как господин принял меня на службу, папа Александр Третий⁴ созвал Собор в Тулузе, на котором заседали шестнадцать кардиналов, сто восемьдесят четыре епископа и более четырехсот аббатов. Итогом Собора было вынесенное официальной церковью решение, о том, что ересь нашла приют в Тулузской земле, откуда она и отравляет Гасконь и другие южные провинции. Посему церковь вменяла в обязанности духовенству под страхом отлучения не принимать у себя в домах еретиков и даже не торговать с ними.

Впрочем, до известного времени, решение это оставалось лишь решением на бумаге, в то время как в свободной Тулузе царили законы любви, братства и взаимной помощи между сеньорами и их подданными.

Еще через два года католическая церковь снова напомнила о себе устроив публичную дискуссию, на которую были приглашены представители всех значимых в южных провинциях еретических церквей. Для участия в диспуте были приглашены сеньоры, принявшие катарскую веру или открыто сочувствующие какой-нибудь секте, не состоя в ней: одной из первых свое приглашение получила графиня Констанция – сестра Людовика Седьмого Французского⁵,

---

⁴ Александр III (Alexander III), в миру Роландо Бандинелли (Rolando Bandinelli) (умер 30.8.1181), папа римский с 1159 г. Стремился утвердить папскую теократию. Вёл борьбу против императора Фридриха I Барбароссы (который противопоставил А. III антипапа – Виктора IV, Пасхалия III, Каликста III, Иннокентия III). С этой целью поддерживал Ломбардскую лигу. В конфликте с английским королём Генрихом II использовал Т. Бекета. Вынудил Генриха II признать верховенство пап.

⁵ Людовик VII Французский (около 1120–18.9.1180). Король с 1137 г. Из династии Капетингов. Один из предводителей 2-го Крестового похода (1147–1149). В его отсутствие регентом был аббат Сугерий, упрочивший позиции королевской власти. В 1152 г. Людовик VII расторг брак с Алиенорой Аквитанской, что привело к временной утрате Францией Аквитании (отошедшей в 1154 г. к Англии) и положило начало длительной борьбе между французскими (Капетинги) и английскими (Плантагенеты) королями за французские территории.

супруга Раймона Пятого и мать Романа, Раймон Транкавель – виконт Альби, Безье и Каркасона и почти что все вассалы графа Тулузского.

Как я это понял из рассказов наших баронов, то и дело наезжающих со своими свитами в замок, под предлогом публичного обмена мнениями, святые отцы попытались устроить судилище над прибывшими туда сеньорами, зачитав им обвинения, и требуя ответов в форме допросов. Это самовольство было встречено выражением всеобщего неодобрения. Так что большинство посчитавших себя оскорбленными дворян попыталось сразу же покинуть собрание, так что духовенству пришлось наконец отступить и устроить обещанную дискуссию.

Все шло более или менее мирно, стороны обменивались своими толкованиями различных мест в Евангелие и Библии. Камнем преткновения оказался вопрос связанный с церковными богатствами. То есть – большой вопрос духовенства.

Католическую церковь и раньше обвиняли в том, что проповедуя бедность, они живут роскошнее князей, носят дорогие одежды, украшения, латы.

После этого не нашедший слов оправдания или каких-нибудь других контрдоводов аббат Альби отлучил «добрых людей» от церкви. Те же только посмеялись над священниками, сообщив им, что те сами являются еретиками, а отлучения брошенные еретиками, не могут восприниматься как серьезная потеря для людей живущих во Христе.

Катары не были лишены свободы передвижения, так что сразу же по окончании дискуссии, они благополучно убрались в свои лесные церкви и горные общины. В общем, каждый остался при своем.

Тем же, кто не был катарами, а лишь сочувствовал и помогал им, было сделано предупреждение. Впрочем, вряд ли оно кого-нибудь по-настоящему могло задеть. Тулуза была богатейшим графством, исправно вносящим в казну и закрома Франции немалые доходы, поэтому никто даже не мог предположить, что когда-нибудь король Франции может пожелать беды своим верным вассалам.

Однажды, перехватив после занятий обучающего Романа катара, я попросил его изложить мне суть своего учения, и он поведал историю Сотворения мира и человека. Вот она:

Господь сотворил небо и землю, растения, животных да ангелов небесных. Ему не было нужды сотворить смертного человека. Ведь смертный должен был погибнуть, а разве приятно отцу видеть смерти своих детей? Бог не изобретал смерть – не звал ее в свое царство, которое было совершенно и прекрасно.

Но Люцифер – один из ближайших высших ангелов Бога возревновал своего создателя к тому, что тот умел творить, и все, что он делал было прекрасно.

– Все то же самое я смогу сделать лучше и совершеннее, нежели Бог, – сказал Люцифер – и восстал против Бога.

Восстал и был повержен. Повержен, но не уничтожен – потому что не Бог сотворил смерть. Зачем Богу убивать кого-либо?

Бог не разорвал вероломного вассала Люцифера на тысячу кусков, не разметал его по ветру, так чтобы и памяти о нем не осталось. А всего лишь отправил в ссылку на землю, позволив ему осуществить там свой замысел, не касаясь божественных дел.

Бог надеялся, что падший ангел поймет свои заблуждения, и, смилив гордыню, признает свои ошибки и снова, подобно блудному сыну из писания, явится к нему со словами покаяния.

Но этого не свершилось. Вопреки всему Люцифер объявил остальным ангелам, что с этого дня он сделался свободным и теперь зовет их присоединиться к нему.

В доказательство своей возросшей силы он создал человека из глины, но глиняный болван не смог даже открыть глаз. В нем не было божественной искры, которую мог зажечь лишь Бог.

Тогда Люцифер заманил к себе двух ангелов Адама и Еву, пришедших к нему, чтобы убедить своего бывшего собрата вернуться в семью.

Но вместо того, чтобы послушаться друзей, Люцифер создал для небесных ангелов земные тела, и предложил им попробовать пожить на земле, для того чтобы убедиться в правдивости его слов.

– Поживите здесь хотя бы один день, и если к заходу солнца вы решите, что мой мир хуже того, что создал ваш Господь, я признаю его правоту и покаюсь в грехах, – сказал он. При этом Люцифер заколдовал тела таким образом, чтобы вошедший в них ангел тут же потерял память. Забыл кто он и откуда, и был полностью во власти врага.

Так вероломный Люцифер – отец лжи и смерти – создал людей.

Наблюдая с неба за тем, что творилось на земле, другие ангелы пытались спасти поработанные души перволюдей, но едва они оказывались на земле, Люцифер уговаривал их облачаться в тела. И едва только ангелы касались земных оболочек, они теряли память.

Тем не менее сама земля устроена таким образом, что всему когда-нибудь на ней приходит конец. Так и человеческие, смертные тела должны были, отслужив свой срок, сойти в могилу, выпустив из своего плена бессмертные души ангелов.

Но Люцифер изменил правила, и после смерти ангелы не могли освободиться от ненавистных земных оболочек, а были призваны перерождаться вновь и вновь. Жить, любить, творить, убивать и снова умирать, чтобы вновь рождаться и жить...

И тогда Господь послал своим ангелам спасение – благовест о том, кто они такие, потому что только вспомнивший о своих крыльях ангел может в час смерти взлететь, достигнув престола Творца.

Только истинное создание Господа может победить смерть и вновь войти в дом своего отца.

Я внимательно выслушал Совершенного и попросил его разрешения встретиться вновь. Тем не менее я не стал катаром. Вообще, я готовился к вступлению в орден иоаннитов, к которому принадлежал мой юный повелитель Раймон. А я, как верный телохранитель, должен был быть везде и всюду при своем молодом господине. Так я стал рыцарем.

Признаться, под влиянием учившего Романа катара, я начал испытывать определенные симпатии к этой вере и где-то даже простил своих родителей.

Как слугу графа меня глубоко задело и возмутило предательство вассала Люцифера своего сюзерена. Воистину – будь я Богом – от Люцифера, после учиненной им пакости, осталось бы мокрое место.

Будь я Богом – не было бы и дьявола!

Да минует меня чаша сия

Думаю, что теперь я должен рассказать немного о маленьком Раймоне. Романе был пухленьким мальчиком, любившим хорошо поесть и попроказничать. Отец готовил его к благородной роли хозяина Тулузы, поэтому Романе с самых ранних лет приучался к мысли, что в один из дней он станет графом и нашим сюзереном. Мальчик присутствовал на Совете, сидя сначала на руках у няньки, затем на большом стуле рядом с отцом. Умирая от страха и не смея послушаться Раймона Старшего, он присутствовал во время допроса и пыток разбойников, приучаясь к отведенной ему судьбой роли.

Часто засиживаясь вместе со взрослыми на веселом пиру, он засыпал нахлебавшись разбавленного вина, подперев ручонками щеки или заваливаясь рядом с собаками на деревянном настиле.

Впрочем, слуги сразу же относили его в опочивальню, где малыша раздевали и укладывали на жесткое ложе, как это и было положено рыцарю.

Несколько лет моя жизнь в замке напоминала спокойный и мирный сон. Время от времени я участвовал в небольших вылазках, возглавлял отряды по истреблению особо разгулявшихся лиходеев. Но это не шло ни в какое сравнение с бурными школьными годами. Я отдыхал.

Когда маленькому Раймону исполнилось семь лет я начал обучать его владению мечом. Не скажу, что всю жизнь мечтал о роли няньки при карапузе, но работа есть работа. И с Раймоном еще не было никаких особых хлопот.

Он показал свой нрав в десять лет, в день рождения его отца.

Как обычно этот праздник отмечался всей Тулузой. На улицах повсюду были зажжены факелы, специальные устройства метали в воздух капли горячей смолы. Подготовка к празднику заняла целый месяц. Красотки покупали материи на новые наряды, в которых собирались покрасоваться на празднике. Обычно на день рождения Раймона Пятого простолюдины заключали помолвки и устраивали свадьбы, приобщаясь, таким образом, к общему ликованию знати.

На турнирном поле были специально поставлены огромные столы, из погребов по специальным доскам катили толстопузые бочонки. Печи нескольких харчевен были заняты выпеканием мясных и рыбных пирогов, вокруг поля с угощениями были выставлены специальные жаровни, на которых жарилось мясо.

День рождения Раймона Пятого отмечался двумя воинскими турнирами, первый среди рыцарей самых благородных кровей, второй на закуску, из простолюдинов. Дальше шли шуточные поздравления, танцы юных дев, на головах которых красовались венки с вплетенными туда гроздьями винограда – символ процветания Тулузы, и горящими свечами во славу Святой церкви.

Добрейший Раймон шел к накрытым столам своих подданных и выпивал с ними кружку молодого вина, после, благословив их на пир и перецеловав красоток, хозяин Тулузы возвращался в замок, окруженный свитой, гостями и воинами.

Вдоль дороги к замку выстраивались тулузские лучники с зажженными факелами, которые они поднимали над головой, когда мимо проезжал конь Раймона, салютуя своему сюзерену.

Замок также светился от разноцветных огней, отчего казалось, будто ночь и день меняются местами. Вино лилось рекой, вокруг стола в замке скакали акробаты, пели свои песни трубадуры и жонглеры, бывалые рыцари рассказывали о своих славных подвигах. С веселым лаем меж слуг, суеты и веселья сновали графские собаки, которым гости кидали щедро промоченные в сале куски хлеба и обглоданные кости.

Вдруг музыка стихла, по особому знаку графини Констанции, слуги расчистили дорожку, по которой в зал вошел маленький Романе. Мальчик был серьезен и слегка печален, всем бросилось в глаза его черное облачение, отсутствие украшений, которых он так любил, и оружия.

Гости замолчали, давая возможность наследнику поздравить отца. Раймон Пятый поднял от тарелки уже довольно-таки тяжелую голову и доброжелательно уставился на мальчишку.

– Отец! – Четко и звонко произнес Романе. – Отец, я поздравляю тебя с твоим днем рождения и желаю долгих лет жизни, блистательных подвигов, процветания графства, и... и... я хотел бы сказать, что хочу уйти к «добрым людям» и отдать права наследования моему брату Булдуину.

Все замолкли.

– Надеюсь, что это шутка? – весь хмель разом улетучился из головы хозяина Тулузы. – Ты выдумал эту чушь с тем, чтобы развеселить наших гостей? Отвечай же!

– Мое желание сделаться катаром тверже стали. Я никогда не отступлю от задуманного. – Мальчик побледнел, но выдержал испепеляющий взгляд отца.

– Это ты внушила ему эти мысли? – тулузский граф ткнул в лицо жены кривым похожим на коготь хищника пальцем. – Ты, змея, хочешь, чтобы он стал чертовым катаром? Одним из тех, которые словно не мужчины ходят в бабьих тряпках, бреют бороду, не едят мяса и не носят оружия?! Ты хочешь, чтобы он сделался святошей! Чертовым святошей, спасающим свою душу и не пытающимся спасти никого боле?! Человеком, который ни за что не отвечает, ничего не хочет, никуда не стремится?! Для которого нет ни дома, ни семьи, который может удавиться или броситься на меч, лишь бы только поскорее завершить свою жалкую жизнь!

– Нет, отец, мама тут ни при чем, я сам хочу стать катаром! Потому что наш мир, он не совершенный отец! Мы живем во лжи! Церковь Любви – она спасет всех. Я знаю, я хочу быть среди «добрых людей»! Я хочу, чтобы любили меня, я...

– Молчи! Кто внушил тебе, что тебя не любят? Кто сказал тебе что я – Раймон Пятый не люблю своего наследника, своего старшего сына? Назови имя того лжеца, который посмел сказать тебе такое и я убью его собственными руками.

– Никто, отец. Никто не виноват. Я сам. – Мальчик затряс каштановыми чуть вьющимися кудрями, казалось, он готов провалиться сквозь землю и одновременно с тем не собирался отступать. – Я был среди них, мне хорошо там, они любят меня, они и тебя любят отец, просто ты не хочешь услышать их, впустить Христа в свое сердце, впустить любовь.

– Да не любовь это, пойми! – Раймон ударил по столу кулаком, опрокинув золотой кубок. – Не любовь уходит от своей семьи, бросая ответственность на плечи младшего брата. Не любовь – бросать мать нашу Тулузу беззащитной. Кто, как не мы, – потомки легендарного князя Гурсио, маркграфа Тулузы, – призваны самим Богом защищать эту землю и этих людей?! Кто, как не мы?!

– Но, Церковь Любви...

– Еще раз говорю – это не любовь! Пойми ты – легче легкого думать только о себе и ни о ком больше. Я оберегаю народ, защищаю его своим мечом. Я щит Тулузы и его меч! Ты тоже должен стать мечом, щитом и весами правосудия. Это наша ноша, и ни один из рожденных правителем не в праве отказываться от нее. Прими и ты, мой сын, свой крест. Прими его и веруй!

– Но если эта ноша слишком тяжела для меня?

Раймон Тулузский задумался. Было бы проще простого наподдать мальчишке. Запереть его в его же комнате, посадить на хлеб и воду, как это принято у его возлюбленных катар, заставить признать свою ошибку. Но граф действительно любил сына. Поэтому он сделал невозможное.

– Я обдумал твою просьбу Романе, и вот что решил. Кто я такой, чтобы идти против воли Бога? Возможно, ты и твои катары правы, и на самом деле, ты призван для чего-то иного.

Что ж, если твое решение непреклонно, я не стану мешать тебе. Для того чтобы сделаться катаром, следует поститься в течение месяца. Начинай пост прямо сейчас. И если через месяц, ты будешь достоин стать катаром, что ж, значит, ты будешь катаром, а твой младший брат Булдуин унаследует трон Тулузы. – После чего Раймон Пятый призвал к себе сына и заключил его в объятия, одновременно давая знак слугам забрать со стола поставленные для наследника тарелку и кубок.

По тому, с каким вождением юный Романе проводил уносящего тарелку слугу, я решил, что он уже сожалеет, что не объявил о своем решении после пира, и заподозрил, что блажь вскорости пройдет. Я ошибся.

Не знаю, почему Раймон Старший принял такое странное решение. Знаменитые трубадуры, начиная с этого дня, не уставали слагать песни прославляющие это событие. Никто не мог ничего понять, строя догадки и измышляя собственные версии произошедшего. Но возможно, он лучше других знал своего сына, и не верил в то, что сластолюбивый, нервный и взбалмошный мальчишка сумеет выдержать строгую и полную лишений жизнь Истинного катара. Ко всему прочему, он прекрасно знал Совершенных из Церкви Любви, понимая, что кому-кому, а им меньше всего нужен бывший наследник тулузского престола. В то время в Тулузе было множество церквей, рыцарских орденов и различных общин, каждая из которых мечтала получить в число своих прихожан отпрыска благородного дома, с тем, чтобы в последствии влиять через него на политику в стране и пополнять свои кошельки. Но никому не был нужен отрекшийся наследник.

Как выяснилось в последствии, Раймон Пятый оказался прав.

Подготовка к поездке, ночной гость

С того дня маленький Раймон начал голодовку, цвет его одежды был неизменно черным, пухлые прежде щеки опали, лицо сделалось бледным. Много раз Раймон Пятый пытался помешать подготовке сына к посвящению. Он устраивал блистательные выезды, охоты и турниры, приглашал в замок детей знати – надеясь, что сын соблазнится и возьмет в руки лук или меч. Придворные дамы и служанки получили строжайший приказ увлечь юного Раймона своими чарами. Но охочий до женского общества мальчишка сделался теперь недоверчивым к прекрасным феям, не без основания подозревая заговор.

Много раз на столе новоявленного катара оказывались принесенные как бы по ошибке пироги с мясом. Отчего Романе не оставалось ничего другого, как держать рядом с собой верного пажа, который пробовал все блюда, прежде чем их должен был отведать молодой хозяин.

Подозревая, что прислужники отца могут пойти на более коварные меры, как подложить кусок мяса в яблочный пирог, от перешел исключительно на хлеб и воду.

По окончании трех недель Раймон Пятый держал совет со священником и Совершенным, и все вместе они пришли к выводу, что прежде чем позволить наследнику отправиться к «добрым людям», не лишнем будет ему встретиться со знаменитым астрологом Иоганесом Литтенбахом, который сможет предсказать наследнику его будущее и открыть ему наконец путь и предназначение в этом мире.

Романе выслушал отца со смирением, и, пробормотав только, что, несмотря на мнение астролога, он все равно не отступит от задуманного, мальчик вернулся на свой этаж замка, где ему следовало собрать свиту и отдать распоряжения.

Я должен был сопровождать наследника в этом путешествии, в качестве его телохранителя. Поэтому сразу же после получения приказа, я отправился к графским воинам и лично отобрал лучших лучников и мечников, не обращая внимания на наличие дворянского звания и основываясь лишь на том, насколько хорошо они знают свое дело и насколько будут послушны моей воле.

Вернувшись в свою комнату, я обнаружил там своего приемного отца де Савера, устроившегося в самой вольготной позе возле стола, на котором стояла кружка вина, был разложен хлеб и дымилась миска с мясом. Свою кружку эн Мишель держал в руках, на полу стоял ополовиненный бочонок, точно такой же, какие держит виночерпий для самого графа.

Я уже пробовал это вино, и невольно улыбнулся ему. Де Савер перехватил мой взгляд и тихо засмеялся в ответ.

Мы обнялись. Я подсел к столу, и налив себе полную кружку с удовольствием опрокинул ее в глотку.

Эн Мишель благосклонно наблюдал за моими действиями. Я наполнил его кружку и затем снова налил себе, наши руки поднялись в одновременном салюте. Мы еще раз выпили.

– Я вижу, мальчик мой, ты растешь не по дням, а по часам. Удачно, что ты при графе, боюсь, что для ночной работы ты сделался теперь слишком здоровенным. Рослый вор – не вор, а мишень. Как же хорошо сложилась судьба. Вот уж не думал, что буду так радоваться, похоронив своего Черного Лисенка... – Он снова засмеялся.

– Хорошее мясо. – Я извлек из миски добрый кусок говядины и, мокнув его в жир, положил на кусок хлеба, как это любил учитель, и подал ему. Де Савер явно хотел что-то сказать, и я не собирался тянуть его за язык. В конце концов, этот визит был первым за четыре года моей службы у Тулузского.

– Я решил побеспокоить тебя, милый Анри, потому что имею в тебе нужду. – Он улыбнулся, на придворный манер, тремя безукоризненно сложенными перстами подцепляя кусок

мяса, и опуская его в рот. – Да, ты можешь помочь старику де Саверу, отблагодарив его тем самым, за то, что он некогда спас твою жизнь и научил делу.

– За мое обучение граф платит вам половину от моего жалования, и будет платить еще шесть лет. – Я тряхнул головой, заставляя себя очнуться от того блаженного сна, в который ввел меня учитель.

– Это так, но обстоятельства моих дел таковы, что вскоре, боюсь, не останется ни старика де Савера, ни его школы.

– Тогда мессен граф будет платить только мне. – Я пожал плечами. – Вы же сами всегда говорили – нет человека – нет проблемы. Я могу продолжить эту мысль – за отсутствием кредиторов, долг погашается сам собой.

– Это, конечно, справедливо, но... – де Савер помрачнел, – конечно, ты имеешь полное право отказаться, и я не стану преследовать тебя, выдвори ты сейчас меня из своих покоев... Но прежде чем покинуть тебя, я хотел бы рассказать о нависшей над школой и, возможно, над всей Тулузой опасностью.

– Еще бы – я поклялся никогда не поднимать руку лично на вас, равно как и на школу, но я не обязан вас и защищать. Ныне я предан своему новому хозяину, добрейшему графу Раймону, выпьем же за его здоровье, учитель!

Де Савер поднял кружку в молчаливом салюте и выпил ее до дна.

– Тем не менее я расскажу тебе то, ради чего пришел.

Я пожал плечами.

Де Савер поднялся и прошелся по комнате, для чего-то рассматривая похожую на ветку дерева трещину, тянущуюся на всю стену.

– Моя школа не единственная в Лангедоке, тем не менее, она всегда была самой лучшей, ибо я готовил действительно стоящих воинов. Как ты теперь знаешь, нас поддерживает сам граф, – он многозначительно воздел очи к потолку.

Я кивнул в знак того, что понял о ком он.

– До недавнего времени все было вполне нормально, и если на нашу территорию заявлялись пришлые, школа справлялась с ними своими силами. Но сегодня ситуация в корне изменилась. Наши враги не имеют никакой школы, или я не знаю об этом. Насколько я понимаю – есть хозяин или хозяйка, есть те, кто отыскивают для них хороших воинов.

– Где отыскивают? – не понял я.

– В том то и дело, что они набирают людей из охотников, лесников, побывавших в различных войнах и вылазках воинов – главное, чтобы они хорошо знали свое дело и чтобы их никто не знал.

Ну, скажем, они приезжают в забытую богом горную деревеньку, где живут пастухи и охотники, договариваются со стрелком, отвозят его в Англию или, скажем, Париж, где требуется убить какого-нибудь знатного вельможу. Показывают ему цель, тот стреляет.

Между горным охотником и его целью никогда не было никакой вражды, он чужой человек, ничей не слуга, кто на него подумает? Ищи ветра в поле.

– Обычно с вашими врагами справлялись сами ученики школы, – протянул я, пытаюсь обдумать услышанное. – Если эти люди начали творить свои дела на территории Тулузского графства – их следует примерно наказать.

– Творят, да еще как. Тем более что их расценки во много раз дешевле, нежели наши. Подумай сам – привести охотника, или воспитать воина – небо и земля... ученики нашей школы вот уже полгода как не получают заказов в Тулузском графстве.

– Так накажите... – Я снова принялся за трапезу, но кусок не шел в горло. Де Савер терпеливо выжидал, когда я докумекаю сам.

– Если так пойдет дело, скоро я уже не буду контролировать дела в Тулузе и тогда...

– Тогда их будет контролировать кто-нибудь другой, я уже не ученик школы, это не мое дело.

– Формально да, но... – учитель погладил рукой живописную трещину на стене, – вот уже много лет я готовлю учеников с благословения добрейшего Рай... – Он улыбнулся в усы, – поэтому, даже если враги нашего благодетеля пожелают насыпать мне горы золота, я не предам славного Рай... и его потомство. Никогда не подниму руки на него и его семью и всячески буду защищать их, потому что, если благословенный Рай... дает мне возможность жить и содержать школу, я не могу сказать, будет ли столь же благосклонен к нам Романе, Аделаида или Булдуин. То есть – пока жив замечательный Раймон – жив де Савер и его мальчики. Но как только на престол Тулузы взойдет кто-нибудь из его потомков, мне придется заключать с ним договор заново, и кто знает, быть может, беднягу де Савера ждет виселица, топор или костер... равно как и его учеников...

И тут только до меня дошло. Если убийц в графстве будет поставлять не де Савер, а кто-то другой, нет никаких гарантий, что пришлый охотник не будет подослан к хозяину Тулузы или его наследнику?

Есть ли возможность вычислить охотника – никакой? Никто не знает, с какой стороны придет беда, мужчина он или женщина, возраст, приметы... Сумею, в таких условиях, я защитить своего господина? Вряд ли.

Что я буду делать – случись Раймону Пятому или Романе погибнуть? А делать-то и нечего. Я гол как сокол. Ни дома, ни семьи, о которых я опрометчиво заикался вначале. Нет даже каких-нибудь сбережений – до сих пор я проигрывал и пропивал свое жалованье в веселых кабачках, бросал монеты в подолы шлюх и их дочерей. И вот же – добросался. Получалось, что больше всех, в случае падения школы де Савера, страдал как раз я – человек, получивший лучшую во всем графстве работенку.

Что я без графа и его сына? – Задал я себе еще один вопрос, – что я могу? Чем буду зарабатывать на жизнь?

Кражи? – мессен де Савер прав, вор с моим ростом и телосложением, а я был самым высоким и рослым из воинов тулузского, это уже не вор, а скорее мишень. Стать наемным убийцей – тоже вряд ли – во всяком случае, вряд ли мне удастся долгое время работать в одном городе и оставаться не узнанным. Остается грабеж на больших дорогах или поединки за деньги. Последнее я особенно не любил.

Получалось – что без графа и его сына – я не представлял из себя ровным счетом ничего. Я был человеком на своем месте, на единственном подходящем мне месте, и я не собирался с этим местом расставаться.

Учитель все еще стоял, подпирая плечом стену, терпеливо дожидаясь, когда до меня наконец-то дойдет. Я кивнул ему.

– Что я должен делать?

– Как лучшему ученику моей школы, я поручаю тебе дознаться, кто эти негодяи, и уничтожить их. – Де Савер снова вернулся на свое место, и я налил ему.

– Как я должен найти их, если даже вы не можете сказать, кого мне искать? – чуть не задохнулся я. – Когда я буду искать, если вынужден проводить все свое время вместе с молодым Раймоном?

– Я только что от графа, так же, как и я, он считает, что именно ты должен возглавить это дело, – как ни в чем не бывало продолжил де Савер. – Скажу больше – граф сделает все возможное, чтобы вся поступающая к нему информация о возможных действиях пришлых будет доводиться и до твоего сведения, со своей стороны я обещаю, что все сведения, которые добудут ученики школы, также будут передаваться тебе.

– Но... я даже не знаю с чего начать, прежде я никогда... – Я посмотрел на трещину, и отвел взгляд, теперь она пугала меня. Казалось, что этот мрачный символ долгие годы поджи-

дал здесь специально меня, чтобы испортить тихую и беззаботную службу, праздную и сытую жизнь...

– Прежде всего, ты должен обратить внимание на смерти.

– Смерти? – Я перекрестился.

– Да. Смерти, особенно смерти знатных господ. У меня есть сведения, что в последнее время наши конкуренты повадились устраивать все таким образом, чтобы в результате либо судили невиновного, либо считали убийство самоубийством. Найди несколько подходящих покойничков, и через них можно будет выйти на заказчиков, и наконец, на наших конкурентов. В конце концов я не предлагаю тебе самостоятельно уничтожать осиное гнездо. Постарайся хотя бы обнаружить его, а там уж...

– Лучше бы вы поручили мне лезть в это самое гнездо, – откровенно признался я. – Можно подумать, что ученики нашей школы когда-нибудь действовали по-другому? Как я отличу их работу от дел пришлых?

– Ты невнимателен, мальчик мой, – де Савер покачал головой, – я же говорю тебе, что наши ученики не получали работу в Тулузе уже полгода. Впрочем, если будет дело, тебе об этом доложат.

Мы еще поговорили какое-то время, после чего учитель распрощался со мной и скрылся в ночи. Я не ходил просить, чтобы ему открыли ворота, уверенный, что он либо заночует у какой-нибудь милашки в замке, либо у него найдутся и собственные ключи, и если понадобится личный выход из замка.

Последнее пристанище – начало пути

В ту ночь я обошел конюшни, проверив подготовленных для нас лошадей и велел заменить одну, показавшуюся мне недостаточно выносливой, кобылу, осмотрел оружие и поклажу, отдал последние распоряжения рыцарю, которого сам же назначил главным. После чего тайно покинул замок, отправившись «ходить по дну».

«Хождение по дну» – так я называл свои редкие обычно ночные вылазки в город. Опасаясь встретить знакомых, я выбирал самые злосчастные и грязные кабаки и гостиницы, где за кружку дешевого вина и мясную поджарку местные забулдыги выворачивали передо мной свои душонки.

Так, не прибегая к сети шпионов и не используя «инструментов правды», коими предпочитают орудовать заплечных дел мастера, и которых не чурается знать, я имел последние сведения из жизни города и, как ни странно, замка.

Месяца три как я не «ходил по дну», и теперь понимая, что сделал глупость, и не предупреди меня многомудрый де Савер, я по сей день прибывал бы в блаженном неведении, в то время, когда нож на моего господина или его сына был бы уже наточен и вложен в верную руку.

Таких кабаков в Тулузе было несколько, но самой мерзкой репутацией пользовался кабак, он же гостиница, с невеселым названием «Последний приют», прославившийся тем, что его хозяин давал в долг, скупал краденое и нередко снабжал лихой работенкой местных прощелыг и роковых пропойц.

К «Последнему пристанищу» расположенному в заброшенной бухте, где всегда воняло гнилыми водорослями и куда частенько выбрасывало волнами утопленников, вели три моста. Два платных и один рисковый. На одном из платных мостов собирали денежку монахи ордена госпитальеров.

Второй стерегла гильдия воров, заправляющих в этом квартале. Третий – «Мост последнего гроша», а точнее совершенно отвесная лестница, позволяла, не платя никому, рискнуть здоровьем во имя предстоящей выпивки.

Когда трактирный слуга примечал ползущего по крутой, узкой, словно адово горло, лестнице отчаявшегося пьянчугу, он тут же начинал бить в висящую над крыльцом железяку, возвещая всех о бесплатном зрелище. Нередко именно этот звон, да еще и крики трактирных гуляк были причиной гибели отчаянных пьяниц, рискнувших на этот шаг.

Конечно, для меня, как и для любого ученика школы де Савер, эта лестница не была чем-то из ряда вон, но я пошел через мост охраняемый монахами, не желая до срока выставить себя на обозрение местной гольтьбы.

Был отлив, и в бухте немилосердно воняло, правда, едва только я открыл дверь в «Последнее пристанище», как в нос мнешибанул такой резкий и смачный запах, что заслезились глаза, а дух гниющих водорослей показался так просто горным воздухом.

Я оглядел кабак и сел в углу перед козлами, чьи массивные ноги вошли в мягкий, много раз орошенный вином и пивом пол, дожидаясь, когда ко мне подскочит обслуживающий посетителя мальчишка. Разномастная толпа хлестала недорогое винище, чей запах немного заглушал вонь.

Справа от меня за большим столом веселилась компания во главе с широколицым, плотным воином с красным носом, бритым подбородком и топорщащимися в разные стороны седыми патлами. Одет он был в выдавшую виды кожаную рубаху с нашитыми на ней металлическими бляшками и истертые до дыр штаны. По тому, что рядом с ним лежал боевой, а не охотничий лук, я понял, что это военный. И, скорее всего, вернувшийся из похода лучник. У стены, где обычно у дворян размещается настил для собак, сидели слуги пропивающего свое жалование бедолаги. Каждый из них подпирал или сидел на тюке, от которого ему, по всей

видимости, было запрещено отлучаться даже по нужде. Перед слугами и прямо на земляном полу стояли блюда с вареной говядиной и хлебом, которые они запивали кислым вином.

То и дело отрываясь от своей компании, лучник обращившись к спутникам, проверяя их бдительность и хвалясь перед гостями своими сокровищами.

– Эй, Джон, пройдоха, твою так-перетак, – что-то я не вижу узел с периной, к которой приставил тебя, лежебока?! Перина, перышко к перышку, для моей ненаглядной Анни. Отвечай, свиное рыло, где перина? Не иначе как сперли, а ты и уши развесил.

– Ни боже мой, господин, вот она целехонька, извольте проверить. – Носильщик вскочил, вытаскивая здоровенный узел и демонстрируя собранию прореху на заднице, вызывая тем самым всеобщий смех.

– Ладно, ладно, смотри, не спи. Не то ты меня знаешь – пристрелю как собаку и сброшу в ближайшую канаву.

Трактирный слуга принес столешницу, и утвердил ее на козлах передо мной. Я заказал кувшин вина и поджарку, решая, стоит ли присоединиться к честной компании, или подождать кого-нибудь еще.

За одним столом с лучником веселились два ремесленника, судя по пятнам на одежде, красильщики или кожевники, монах и трое крепких парней – либо из лихих людей, либо служащих в отряде какого-нибудь бедного рыцаря.

Я перевел взгляд на камин и заметил еще одного гостя, это был худой словно щепка со светлыми глазами и свалывшимися длинными патлами менестрель. Его некогда зеленый плащ вылинял под многочисленными дождями и был порван в нескольких местах и забрызган грязью, кроме того, на нем не было никакой рубахи, только серое и такое же потасканное как и он сам блио. Худые руки музыканта были покрыты грязью, тем не менее, пальцы его сжимали маленькую изящную арфу, на которой он тихо наигрывал какую-то мелодию. Было немного странно, что этот явно голодный и страдающий от жестокого похмелья человек, не нашел способа присоединиться к развеселой компании. Я приподнялся и убедился, что кроме арфы перед музыкантом не стоит даже кружки с вином.

Когда мне принесли еду и питье, я тихо попросил слугу пригласить менестреля за мой стол, что тот и проделал, не забыв принести еще одну кружку.

– Извините, что нарушил ваше уединение, благородный господин, – я вежливо поклонился музыканту, от чего тот вдруг гордо выпрямил спину и икнул. – Мне показалось, что вы пришли в эти места издалека...

– Мое имя, добрый сеньор мой, Лоренцо из Турина, впрочем, о себе я могу сказать, что поистине я отовсюду и одновременно с тем ниоткуда. – Он поднял брови и, отсалютовав мне кружкой, вылил ее содержимое себе в глотку. – Благодарю вас, благородный сьер, за оказанную мне честь сидеть с вами за одним столом. Могу ли я узнать имя своего благодетеля?

– Расскажи лучше, откуда ты идешь и куда путь держишь, – отмахнулся я.

– Я странствующий трубадур, – гордо сообщил Лоренцо, – хожу от замка к замку, пою в трактирах и гостиницах, веселю народ на ярмарках. Иду... если сеньор желает знать, откуда я иду сейчас, то я держу путь из самого Перигё, где месяц назад почил безвременной смертью славный рыцарь Эльот.

– Эльот мертв? – Я сделал озабоченное лицо, осеняя себя крестом. Хотя на самом деле никогда не слышал такого имени.

В этот момент лучник в очередной раз вызвал к себе одного из носильщиков, требуя продемонстрировать великолепный отрез бархата, который, так же как и перина предназначался даме его сердца Анни.

– Ясное дело, он умер, – развел руками трубадур. Я пел благородные баллады, посвященные былым подвигам сэра Эльота. Их было двенадцать, и про всех их я имел что пропеть. Я знал сэра рыцаря еще когда он жил в отчем замке недалеко от Йорка. С того времени много

воды утекло. Я всегда пел ему, а он так и не собрался оставить меня в своем замке. Я думал, что на старости лет смогу упросить благородного сеньора дать мне кров над головой, кружку вина да кусок хлеба, навряд ли тех, что он кидает за обедом собакам. Но – вот ведь несчастливая судьба – мой рыцарь умер – свалился со строптивой лошади. – Трубадур оживился, подливая себе винцо. – Правда, злые языки говорят, что истинный виновник его смерти барон Вердюн из Фуа, но я вот что скажу сеньор, когда два рыцаря много лет меж собой грызутся, а опосля один из них себе шею ломает, завсегда толки идут.

Выпив еще с музыкантом, послушав его песни и разговоры в кабаке, я был вынужден вернуться в замок. Конечно, после встречи с учителем, мне следовало проверить всякого оказавшегося на дороге покойника, на предмет, отчего тому вздумалось преставиться, и не помог ли кто со стороны, но неизвестный мне рыцарь Эльот не подходил под эту категорию.

Засветло я вернулся в замок.

Еще один покойник

С немногочисленной свитой в сто человек включая меня, Романе отправился в Анжу, где жил престарелый астролог. Справа от лошади Раймона брела гнедая катара, именовавшего себя братом Христианом, слева месил грязь мой конь. После дождя дороги раскисли, и представляли собой довольно-таки опасное дело для конного путника и весьма мерзкое для пешего.

Романе казался печальным, его плечи покрывала теплая накидка с тонким рисунком, у пояса не было никакого оружия.

– Отчего вы не веселы, мой господин? – попытался я немного расшевелить Раймона. – Еще не успеет зайти солнышко, как мы будем на месте. Сбывается ваша самая заветная мечта, а уже через неделю вы получите посвящение. Разве это не то, чего вы добивались от отца?

– Да, милый Анри, – голос Раймона был тихим словно шелест листьев, кроме того, он не отрываясь смотрел перед собой, то ли на жидкую грязь, по которой с превеликим трудом шествовали наши кони, то ли на холку своего коня, так что мне при моем росте, пришлось согнуться в три погибели, приблизив свое лицо к лицу молодого господина.

– Быть может, вы передумали? – с надеждой в голосе осведомился я. – Тогда нам следует отправиться в Тулузу и обрадовать вашего благородного родителя. Вы можете прямо сейчас составить послание, и я отправлю его вместе с одним из моих бездельников. – Я кивнул в сторону нашей свиты.

– Никто никуда не поскачет. Я не передумал и не отступлю. – Мальчик нахмурился.

– Тогда отчего же вы так печальны, благородный рыцарь? – В этот момент мой конь спотыкнулся, и я чуть было не вылетел из седла. Выправившись, и шлепнув коня, я услышал ответ Раймона.

– Ты хочешь, чтобы я веселился, а чему мне веселиться? Этот мир создал Сатана, и все мы здесь заложники. Чему может радоваться пленник. Я мечтаю сделаться катаром, получить посвящение, после чего, я надену на себя белые одежды чистоты и невинности, заберусь на самую высокую скалу и шагну в пропасть. Человеческая природа слаба, я не уверен, что сумею оставаться чистым долгое время, поэтому я убью себя сразу же, пока не запятнан и не успел согрешить вновь.

– Мир создан не Сатаной! – Не заметив, я начал говорить громче. – Мир создан Творцом всего живого – Богом! Что же касается пленения ангелов, о которых говорит катарское вероучение, то я в своей жизни навиделся людей, в которых, похоже, никогда и не горел божественный свет. Если бы вы господин, побывали там, где бывал я, пожалуй, вы сказали бы, что Сатана научился творить жизнь, ибо в людях, о которых говорю я, нет ничего, что указывало бы на их божественное происхождение.

– Нет – в каждом человеке есть свет Божий! – горячо зашептал Раймон. – В каждом, Анри, и даже в тебе!

– Но не лучше ли жить, и объяснять другим людям, кто они такие на самом деле? Как можно думать только о себе?

– Будь у меня сила, – Раймон сжал кулаки, – будь у меня сила словно у апостола, я наверное сумел бы помочь людям. Но я слаб, Анри, например, я вижу, что моя мать, та, которая должна слыть образцом добродетели и христианского смирения, спит со слугами. Моя сестра Аделаида всему учится у матери. Я знаю, что должен возненавидеть мать за это, но не могу. Я хочу стать катаром, уйти в общину. Я решил – значит, мои помыслы должны быть лишь о Боге, но почему-то я постоянно думаю, как там отец, и не учинил ли чего Булдуин. Ведь за ним еще няньки должны ходить.

Я думаю о разбойниках в темнице замка, мне не нравится, когда их пытаются, хотя без этого никак. Но большинство из них все равно ничего не скажут, хоть шкуру с них с живых

снимай. Но... разве пытать других людей, пусть даже они разбойники и убийцы, по-божески? По-христиански? Я бы придавал их быстрой и непозорной смерти. Потому что разбойников нужно уничтожать – они грабят и убивают наших подданных. Рыцарский долг защищать доверенных нам людей.

Я не могу не думать об этих людях. О людях, которые не знают, что на самом деле они ангелы. Поэтому мне жалко этих людей – жалко добрых, а злых еще жальче. Ведь с каждым шагом они все дальше и дальше от Бога...

И самое страшное, что все они – эти женщины, друзья, семья, даже враги – все они стараются ввести тебя в искушение, с тем, чтобы привязать к себе самыми крепкими веревками. Все они желают моей гибели. Поэтому я и должен ненавидеть их, но я не могу, я...

Дорога сделалась суше и ровнее, Раймон пришпорил своего коня, вылетев вперед процессии.

Суд юного Раймона

Кинув пожитки в дешевой гостинице, расположенной недалеко от дома астролога, и переодевшись в чистое я, Раймон и сопровождающие нас пятьдесят отборнейших воинов отправились к Иоганесу Литтенбаху. Дом астролога был двухэтажным с плоской, словно крышка от котелка, крышей, на которой подобно ушам торчали две причудливые башенки. Должно быть, в доме располагались два алтаря. Каждый из которых требовал себе по персональному куполку.

Каким двум богам астролог воскуривал ладан? Осталось загадкой. Жалею, что не осведомился об этом заранее, но теперь уже приходилось принимать все как есть.

Бьюсь об заклад, с такой крыши мог вернуться только сильно пьяный. Так что создавалось впечатление, что крышу сделали такой специально для того, чтобы располагать на ней лучников. Во всяком случае, получи я приказ прикончить кого-нибудь из посетителей мессена Иоганеса, спрятался бы за одним из «ушей». Поэтому я сначала отправил туда своих ребят, и только после того, как они дали сигнал о том, что путь свободен, позволил молодому господину выйти из гостиницы.

Нам надо было пересечь небольшую круглую площадь у храма, на паперти которого по заведенному обычаю клянчили медяки нищие да убогие, несли постовую службу копейщик и лучник да сновали туда-сюда мелкие торговцы с корзинами и переносными лотками.

Следуя в шаг от Раймона, я зорко оглядывал все крыши, проулки и окна, за тяжелыми ставнями которых мог притаиться вооруженный арбалетом убийца.

После того как мессен де Савер сообщил о пришлых, я почувствовал себя приблизительно так же, как чувствует себя кот на раскаленной пожаром крыше. Мои ребята ждали лишь сигнала. Даже не глядя на них, я махнул старшему, и тут же несколько лучников понеслись через площадь, заняв все стратегически важные точки. У дверей храма, у дома астролога, в маленьком проулке, у кучи с нечистотами. Еще десяток занял вокруг нас оборонительную позицию, заключив юного хозяина и меня в ошетиженный стрелами круг.

Таким манером мы достигли центра площади.

Слушая вполуха проклятия Раймона, которому были не по душе принятые нами меры безопасности, я обернулся и тут же увидел мелькнувшую на крыше нашей гостиницы тень. В тот же момент я крикнул лучникам, чтобы они стреляли, а сам, схватив в охапку ничего не понимающего Романа, бросился с ним в храм, плотно закрыв за нами тяжелую дверь.

В церкви был полумрак, в одну секунду мы пересекли зал. Я распахнул перед юношей первую попавшуюся исповедальню, затолкав его туда. В случае если в храм ворвутся лучники, толстые стены лучше самой крепкой кольчуги сэберегут графского сына. Сам я обнажил меч, готовясь к нападению.

С площади не доносилось никаких звуков, какое-то время я стоял с мечом в проходе между сидениями. Наверное, если бы там происходил бой, я услышал бы это. С другой стороны, если опасность миновала, рыцарь, поставленный мной старшим, должен был бы придти за нами.

Я оглядел церковь, только тут приметив стоящий на специальном возвышении гроб, покрытый плащом рыцарей иоаннитов. Все еще не убирая меча, я подошел к гробу, только тут заметив, что в зале кроме меня находится еще кто-то. Это был старик в черном плаще и коричневой одежде. В руках он сжимал кожаную шапку с ушами, которые обычно одевают под шлем. Серые волосы были вымыты и опрятно расчесаны, голубые глаза излучали силу.

Я заметил, что незнакомец сидит неподвижно и смотрит мне в глаза, как это и подобает мужчине и воину, а не на меч, как сделали бы простолюдины.

В тоже время, я был готов отдать голову на отсечение, старик просто выжидал, что предприму я, чтобы верно отразить удар, и по возможности унести с собой и мою жизнь.

– Кого хороните? – хрипло спросил я, косясь на исповедальную, из которой мог в любой момент показаться непоседливый Раймон.

– Барона де Вердюн, – акцент незнакомца выдал в нем германца, голубые глаза смотрели прямо, точно направленные в мою сторону два острия со смертельным ядом.

«Вердюн, а не так ли звали смертельного врага покойного Эльота?» – припомнил я.

– Барона де Вердюн, чьи владения находятся в графстве Фуа? – на всякий случай уточнил я, подходя к гробу.

– Да.

– Отчего же хороните в Анжу?

– Тебя не спросили. – Старик обнажил кривые клыки, одновременно выставляя на обозрение рукоятку своего короткого меча. Такой меч был более приличен слуге, нежели господину, поэтому я приободрился, и одним движением скинув плащ, зашел за гроб, где мог отложить меч, и попытаться открыть тяжелую крышку. На случай внезапного нападения гроб прикрывал бы меня почище знаменитого щита короля Ричарда.

– Я прислан графом Тулузским, – многозначительно сообщил я, наконец отодвинув крышку гроба. На моих последних словах подошедший было к гробу германец бросил на пол меч, поспешно произнося молитву.

Уверен, он убил бы меня, не успею я представиться представителем власти.

Лицо покойника было черным, на шее красовалась резанная рана.

– Две недели назад моего господина убил подлый Эльот, в чем я могу поклясться вам на Библии. Беззаконие, что наш епископ запретил хоронить мессена Жуафри де Вердюн на его землях в Фуа. Графу Раймону следовало давно уже вмешаться в это подлое дело.

– Ваш епископ должно быть посчитал покойного самоубийцей? – Склонившись над раной, я старался не дышать.

– Да вы и сами все прекрасно знаете, доблестный рыцарь. Раз сам Раймон Тулузский прислал вас разобраться в этом деле. Подлость и неуважение к благородным людям. Посмотрите хоть сами на эту рану, разорвавшую моему господину горло. Разве человек может нанести себе такую рану, я вас спрашиваю?

Я задумался. Когда человеку режут горло, кровь хлещет фонтаном, так как повреждаются жизненно важные артерии. За считанные секунды человек теряет всю свою кровь. Лицо же Жуафри де Вердюна красноречиво доказывало, что он был задушен, в результате чего, кровь прилила к голове. Рана была нанесена ему позже, чтобы скрыть след от веревки. Для чего можно скрывать удушение? Только для того чтобы скрыть факт самоубийства, ведь если бы Жуафри де Вердюн был задушен наемным убийцей, священник за несколько монет, счел бы такого покойника достойным погребения на кладбище.

Теперь, кому могло понадобиться скрывать факт самоубийства? Только близким самого барона.

– Рыцарь Эльот подослал убийцу, который совершил это злодеяние! – затараторил старик, теперь его глаза метались, словно не способные найти себе места птички.

– Кто нашел барона? – тихо спросил я, уже зная ответ.

– Я. Его старый воспитатель.

С помощью старика я закрыл крышку гроба, вернув на место плащ.

– Сьер Эльот умер месяц назад. – Я посмотрел в глаза германцу. Это снова была не та смерть, от которой я мог бы начать разматывать весь клубок и выйти на конкурентов де Савера.

В этот момент церковная дверь открылась, на пороге стояли два моих лучника. Путь был свободен.

Раймон вышел из исповедальной и встал рядом со мной, глаза на плащ своего ордена.

– Ты пытался скрыть то, что твой господин убил себя.

Старый воин дернулся, руки его метнулись к пустым ножнам. На всякий случай я взял свой меч и направил его в грудь германцу.

– Должно быть в доме де Вердюн произошло нечто страшное, отчего твой господин повесился. Ты нашел его в петле, перерезал ему горло и затем позвал слуг и стражу. Ты думал свалить вину на давнего врага твоего господина рыцаря Эльота, потому что твой сеньор все равно всю жизнь грызся с ним. Ты просто пытался завершить его дело. В конце концов, если твой хозяин мертв, отчего должен жить его враг... Так ли все было?

Раймон смотрел на старика испуганными и в то же время восхищенными глазами.

– Да, милостивый сьер, все было именно так. Дочь моего господина спуталась с одним из наших рыцарей стражи и бежала из замка. Все остальное верно. Я понимал, что знающий человек разберет, что такая глубокая рана отворила бы кровь, не пустив ее к голове. Но у меня не было времени, Жуафри я знал с детства, с самого младенчества он был нежным и впечатлительным ребенком. Он повесился на шарфе своей дочери. Когда я разрезал шарф и освободил его шею, на коже остались характерные вмятины от жемчужин, которыми был разукрашен шарф. Я понял, что даже если я сообщу, что господина задушили наемные убийцы, по отметинам легко найдут шарф, а дальше раскрутят и все дело. Поэтому я разрезал горло, уничтожив следы от жемчуга.

Одна просьба благородные рыцари, позвольте все-таки моему господину покоиться в церковной земле. Не открывайте моей тайны. Лучше уж я покаюсь в убийстве своего сеньора, и понесу заслуженную кару. Пожалуйста, позвольте мне умереть за моего господина. Зачем такому старику жить на свете? – Он попытался упасть на колени, но я не дал ему сделать этого. Во-первых, не было времени, во-вторых, на полу все еще лежал его меч, а видеть этого черта вооруженным рядом с моим юным господином я не желал.

– Лично я не имею ничего против того, чтобы барон Жуафри де Вердюн был похоронен как это и подобает христианину, – я дал знак своим лучникам, чтобы ждали нас, – что же касается тебя – старый, то не думаю, что мне понравится вид твоей головы в корзине палача. Впрочем, я сам ничего не решаю, решает он – я поклонился Раймону. Сын Тулузского графа и наследник престола решит кому жить, а кому умирать, кого хоронить как христианина, а кого выбрасывать в канаву точно пса. Я же как верный вассал выполню любой приказ. – С этими словами я поднял, не дающий мне покоя, меч германца и властным движением опустил его самого на колени перед своим сеньором.

Губы Раймона посинели, лицо сделалось мертвенно-белым.

– Зачем ты искушаешь меня, Анри? – прошептал он. – Ведь ты знаешь, что я уже, можно сказать, не...

– Но пока еще вы наследник и можете вершить закон именем своего отца, – не отставал я.

– Доблестный рыцарь. – В черных глазах Раймона стояли слезы. – Своим судом и судом Тулузы, я повелеваю похоронить твоего господина по христианскому обычаю и как можно быстрее. Что же до тебя, то... я не думаю, что рана, нанесенная трупу, карается законом так же строго, как убийство. Во всяком случае, ты сделал это не с целью поиздеваться над своим господином, а из любви к нему и из милосердия, как учит нас святое писание. Милосердие выше справедливости. С давних времен Тулуза жила по законам милосердия, иногда, правда, в ущерб справедливости. Поэтому, хоть твоему господину возможно и уготовано место в аду, мы не станем вредить ему еще больше и разрешаем похоронить на освященной земле. Поэтому я отпускаю тебя с миром, но всю оставшуюся тебе жизнь ты должен провести в неустанных молитвах за душу барона Жуафри де Вердюн. Тебе понятно решение тулузского суда? – Отработанным движением Раймон протянул германцу руку, и тот схватил ее обеими руками и начал целовать, орошая слезами.

В тот день я вдруг остро ощутил, что именно Романе – юный сын Великого Раймона Пятого, и есть тот господин, которому я буду служить до своего последнего вздоха. Несмотря

на свою любовь к катарам и детское желание куртуазно расстаться с жизнью, сиганув со скалы, он был человеком этого мира. Нет, не так, он был самой сутью этого мира – мира грешного и кающегося в своих грехах, мира, где милосердие возводилось на престол и попиралась справедливость. Где рыцари славили любовь и мальчишки молились на пропахшие потом войлочные боевые одежды отцов, и где сильнее солнца горели кольчуги и кресты в руках священников. Раймон Шестой был истинным сыном Тулузы, воистину они стояли друг друга и друг для друга были созданы, точно идеальные любовники, воспетые в нескромных кансонах трубадура из Тулузы Гийома де Ла Тур.

Распятый дьявол

На пороге дома астролога Романе вдруг сделалось дурно, пошла носом кровь. Я подхватил его на руки и внес в дом. Представляю, что это было за зрелище – окровавленный отрок, которого, яко агнца Божьего на заклание, я нес навстречу с его судьбой. Охнула какая-то женщина, вскочил одетый в золотую парчу старик, я прошел в комнату, пнув ногой дверь, отчего она чуть было не слетела с петель, и возложил своего юного господина на черный каменный стол в виде креста с вырезанными на нем кабалистическими знаками.

– Свершилось! – Залепетал золотой старик, хватаясь за сердце и усаживаясь на сундук в углу комнаты.

Понимая, что никто мне не поможет, я засунул Раймону за шиворот его медальон. Потом нашел кувшин с водой, стоящей тут же на небольшом алтаре, и, намочив платок Раймона, приложил к его переносице.

С Романе и прежде случались подобные казусы, так что повода для беспокойств не было. Наконец, он начал приходить в себя, я заметил в дверях наблюдающую за моими действиями бабу, и, взяв ее за плечо, подвел к своему господину, велел ей помочь ему умыться и привести себя в порядок.

Постепенно до меня самого начала доходить вся странность окружающей нас обстановки. Черный каменный стол в виде креста с кабалистическими знаками. Окровавленный Раймон на кресте.

Спустя годы, эта картина будет преследовать меня во сне, не давая покоя. Ведь в ту ночь Раймон действительно принял свой крест, и крест этот был ужасен словно растянувшаяся на долгие годы пытка. Как распинание на кресте, творимое каждый день. Смерть без права воскрешения. Жизнь, в которой не было места надежде, и в которую почти не заглядывало счастье, а была лишь одна сплошная и всепоглощающая любовь. Любовь к Тулузе – своей земле и людям, любовь к своим детям, женщинам, к своим подданным, ради которых долгие годы он шел на пытки, лишения и бесчестия, не получая в ответ ничего и ничего не прося.

Окровавленный отрок на кресте, о, мой господин! Отчего же тогда я не внял твоим словам о том, что милосердие выше справедливости и не убил тебя прямо там на каменном кресте, отчего позволил агнцу божьему еще раз спуститься в этот мир населенный демонами и страдать.

Господи Иисусе Христе! Прости в своем божественном великодушии грехи Раймона Шестого и отвари ему наконец врата в Царствие Небесное.

О, мой господин, грешный и святой, о тебе молюсь я!

Тем же вечером во время ужина Романе подозвал меня, велел сесть рядом. Мальчишка-слуга поставил передо мной деревянную миску с парой кусков мяса. Раймон довольствовался сваренной на воде кашей и хлебом.

Какое-то время мы молча жевали. Зная, что не посрамлю за столом ни своего достоинства, ни достоинства моего сеньора, так как среди прочих премудростей, полученных в школе де Савера, я был обучен этикету равно как и правилам поведения за столом, я держался свободно и уверенно, не приставая к Романе с разговорами и давая, таким образом, ему возможность обдумать то, чем он со мной вознамерился поделиться.

– Слышал ли ты предсказание благородного сеньора Иоганеса Литтенбаха? – наконец нарушил тишину юный хозяин.

– До последнего слова. – Я пожал плечами, не отрывая взгляда от своей тарелки, в которую паж только что положил поджарку. – Правда я не совсем уверен, возможно ли называть уважаемого сеньора Литтенбаха благородным, потому как ни где у дома или в доме я не видел родового герба, а значит...

– Не суть. – Романе поморщился, словно разгрыз перец. – Я хотел спросить, что ты думаешь о том, что сказал астролог?

– Что тут думать? Вы хотели услышать предсказание, он вам его дал, а дальше уж вам самому и не кому-то другому решать верить или не верить, следовать или не следовать.

– А ты веришь?

Я снова пожал плечами.

– Мое дело маленькое. Прикажете поверить, поверю.

– Ты и в черта поверишь, если тебе прикажут! – Романе недовольно стукнул по столу кулаком. – Ты же сам слушал вместе со мной господина Христиана. Ты был на всех уроках, я думал, что ты последуешь за мной к «добрым людям».

– «Добрым людям», – перед глазами всплыло лицо моего отца, и настроение резко упало. – Это моя работа быть везде рядом с вами, слушать то, что слушаете вы, особенно если это имеет отношение к новым религиям или политике. Мое дело быть всегда подле своего господина, – я поклонился, – чтобы в решительный момент спасти его от опасности.

– И ты последуешь за мной к катарам?

Я дал себе время обдумать это предложение. – Если на то будет воля моего сюзерена вашего отца, я вступлю в братство, как вступил уже до этого в орден Иоаннитов.

– Если прикажет, будет на то воля... – Передразнил меня Раймон, паж налил ему полный кубок анжуйского вина. – У тебя нет своего мнения. – Он встал, по-видимому желая подняться к себе, но тут же сел, так что я даже не успел подняться вслед за ним, как того требовал придворный этикет. – Скажи Анри, милый, дорогой Анри, я приказываю тебе говорить, что ты думаешь, потому что ты знаком с учением катар и слышал предсказание благородного Иоганеса Литтенбаха, скажи мне, Анри – могу ли я верить в то, что сказал мне астролог, действительно ли я стану великим Совершенным? Действительно ли я буду первым Совершенным королем, первым после Бога на земле, королем над катарским королевством?

– Не станете. – Я разломил хлеб и вытер руки о еще теплый мякиш. – Не станете сеньор, потому что само катарское учение предусматривает не только отказ от мясной пищи, оружия и украшений, оно требует от своих последователей особых правил и норм поведения, которые невозможно сочетать с управлением графством или страной. – Я подставил свой кубок пажу и, сразу же осушив его, велел налить еще раз. – Потому что, если вы останетесь на престоле, вы должны будете жениться и произвести на свет наследников, а связь с женщиной запрещена орденом. Потому что катары ходят босиком или в сандалиях и отдают все беднякам. Правитель же собирает со своих подданных налоги, в то время как Совершенный должен раздать их?..

– Ты совершенно прав, благородный друг. Они меня обманули... Мой отец! – Он вскочил с места. – Немедленно поднимай людей, мы едем в братство!

– Людей, конечно, поднять можно, но... – я неохотно встал, – только не думаю, что это хорошее решение. Люди устали, но как-нибудь еще выдержат, чего не могу сказать о лошадях...

– Замени лошадей, – лицо Романе покраснело, глаза были полны слез.

– О какой же любви вы говорите, мессен, – я выдержал полный негодования взгляд подростка, – если приказываете мне бросить здесь прекрасных, верных и ни в чем не повинных животных, заменив их на других? Если не даете отдохнуть людям? В чем ваша любовь, если вы не даете жить себе и другим?

– В Тулузе отец повесит тебя на первом же суку, – прошипел Романе.

– На все божья воля, – спокойно ответил я. – Но лично я думаю, что всего лучше выпасться в удобной гостинице, закупить еду и в путь. В дороге, извините, я отвечаю за вас, и не желал бы, чтобы ваш благородный отец повесил меня за то, что я не уберег его наследника.

– Он повесит тебя заслушание! – С этими словами Романе пронесся мимо меня к ведущей наверх лестнице.

– Скор на расправу ваш сеньор. – Толстяк хозяин гостиницы стоял в дверях, держа на плече пузатый бочонок с вином. – Меня он тоже обещал колесовать, за то, что я не позволил ему щупать мою дочь. Обещал прислать из Тулузы отряд лучников. – Кряхтя он поставил на пол свою ношу, и довольный собой отер пот со лба. – А я так считаю, пусть моя девка и не знатного рода, а коли просватана, то просватана. И не дело, чтобы всякий проезжий на нее пялился, тем паче руки распускал. Хотя, подскажите, сеньор, не сочтите за труд, окажите божескую милость, надоумьте старика. Может, зря я мальчишке отказал-то? Не пришлет его отец лучников? А?

– Может и зря отказал. – Я налил себе еще вина, садясь таким образом, чтобы видеть лестницу, по которой поднялся Раймон.

– Думаете, пришлет лучников? – Хозяин старался заглянуть мне в глаза.

– Не пришлет, делать ему больше нечего, как людей от дела отрывать. Не бойтесь. Но, вот, коли дочь твоя проявит благосклонность к моему сеньору, за это я тебя сам отблагодарить могу, не дожидаясь тулузского папочки. – Я испытующе посмотрел на хозяина гостиницы. Вдруг подумалось, что вот же – самый простой вариант, Раймон честно держит пост, не прикасается к оружию, и вдруг ни с того ни с сего возжелал женщину... Иными словами – получи он то, что желает, и никакому посвящению, во всяком случае сейчас, не бывать. А значит, не будет и дурацкой, нелепой смерти, парню придется снова поститься и молиться, а там, кто знает...

Мы сговорились, что я заплачу трактирщику, если он приведет ночью дочку в покои Раймона. На те деньги, которые этот поборник нравственности заломил за свою дочку можно было нанять девок для всего отряда, и еще осталось бы, но я согласился не раздумывая. В конце концов, в случае успеха, я получил бы от Тулузского в сто раз больше.

Подлинное предсказание астролога

Ночью я расставил стражу, еще раз обошел посты. Возле кухни меня уже ждал хозяин гостиницы, рядом с которым стояла девчонка. Увидев меня, она залилась было слезами и даже попыталась сбежать, но отец тут же отвесил ей оплеуху, и она сделалась более любезной.

Отдавая отцу задаток, я объяснил прелестнице, что она нужна не мне, а молодому господину, после чего она заметно приободрилась, утерла сопли и даже улыбнулась мне.

– Господин сам послал за мной? – лукаво улыбаясь, она заглянула мне в глаза. – Я что – понравилась ему? Да?

– Понравилась не понравилась, делай свое дело и ни о чем не спрашивай. Мой сеньор не знает, что ты придешь, может, даже будет гнать. Но, если все получится, я немало заплачу твоему отцу, да и для тебя лично что-нибудь останется, – я вынул из кошелька золотую монетку и покрутил ею возле носа девчонки. Она с удовольствием кивнула, глаза заблестели.

Мы поднялись по лестнице, и я постучался у двери Раймона. Ответом мне была гробовая тишина. Возможно, молодой хозяин спал или не желал общаться. Я подтолкнул девку в комнату и осторожно прикрыл за ней дверь.

В конце концов, мое дело было убересть мальчишку от поджидавших его неприятностей, а решишь он уйти в общину, оттуда ему лежала прямая дорога в холодную могилу. Уж лучше тогда так, как сказал астролог, оставаться на престоле и быть катаром, правда, не Совершенным катаром, это он загнул, верить, посещать мессы, поощрять Церковь Любви и защищать ее прихожан. В конце концов – не самый плохой вариант. Граф католик или катар, какая, в сущности, разница, если в Тулузе при этом будет тишь, гладь, да божья благодать. Хотя чего-чего, а тишины там отродясь не было и никогда уже не будет.

Я притулился около дверей, прямо на полу, подпирая спиной стену.

Конечно, Раймон будет сердиться, может даже попросит отца примерно наказать меня за этот ночной гостинчик, но, с другой стороны, если он совершит грех прелюбодеяния во время строжайшего катарского поста, его посвящение придется отложить. Правда, он может со зла прибить девчонку. Хотя, убить без оружия сложно. Простолюдинки достаточно сильны, а эту, по всей видимости били не однажды, и вот же выжила, расцвела...

Дверь скрипнула и я поднялся на ноги, ожидая всего что угодно. На пороге стояла девчонка.

– А где господин-то? Нет его в комнате? – Она казалась растерянной. Я оттолкнул ее и влетел в комнату.

Ну, я дурак, расставил стражу, а птичка уже давно упорхнула!

Одним прыжком я оказался внизу, велел поднимать людей, и обыскивать гостиницу и окрестные улицы.

Воины поднимались быстро и почти что бесшумно, но я не думал о них, полагаясь на своего выдвигенца. Прихватив с собой троих лучников, я пошел через площадь к дому астролога.

Небо было черно словно вороново крыло, ни тебе звездочки, ни луны. Город спал, но в доме старого Иоганеса Литтенбаха горел свет. Оставив лучников у дверей, я отыскал садовничью лестницу и, приставив ее к стене, поднялся на плоскую крышу.

Внизу подо мной в личных покоях астролога горел свет, и слышались голоса. Я лег на пузо и заглянул на расположенный подо мной балкончик, куда как раз в этот момент вышли сам астролог и сопровождающий Раймона учитель-катар. Ситуация становилась все интереснее и интереснее.

– Мне не следовало соглашаться с вашим предложением, брат Христиан, – услышал я писклявый голос астролога. – Во имя всего, что вам свято, во имя милосердия, юному Раймону не место на тулузском престоле. Ему вообще нельзя давать никакой власти.

– Судя по тому, что вы мне сообщили, дражайший брат, наша вера будет подвергнута невиданным доселе гонениям, что мать наша Тулуза будет в огне и пепле, и только Раймон Шестой сумеет спасти ее.

– Да. Но ценою невыносимых страданий! Ценою позора, гонений и разочарований. Ценою права на спасение и вечной жизни, наконец! Сатурн в таком положении, что... боюсь это даже произнести, но все показывает на то, что у Раймона не будет даже собственной могилы, что, согласитесь, уже слишком! Во имя милосердия, благочестивый брат. Неужели вам – его наставнику не жалко бедного мальчика? Заклинаю вас, милейший, отпустите его, и да не прольется кровь агнца даже ради спасения Тулузы!

– В Тулузе тысячи моих братьев, во Франции, Англии, Аквитании и Италии десятки, может быть сотни тысяч, а вы говорите о жизни одного мальчика?

– Уверен, так же говорили и во времена Христа, – вздохнул астролог. – Тогда тоже решили, что человечество и один человек – несопоставимые понятия, тем не менее, мы до сих пор содрогаемся при одном воспоминании об этой жертве. Не знаю, как вам любезный синьор, а мне невыносимо думать, что ради меня была пролита сея драгоценная кровь, что Он страдал ради меня! Вы знаете, крест на моей груди – это пустой крест – крест без распятого, крест символизирующий раскрывшийся дух человека, а не муки и пытки...

– Раймон не Христос, я давно знаю этого мальчика. У него на редкость плохие наклонности, он сластолюбив и похотлив – постоянно засматривается на женщин, любит роскошь, подвержен гневу и злобе. Словом, мне не жалко Раймона. Признаться, я не могу понять, почему именно Романе избран жертвенным агнцем? До сих пор я считал, что жертвой может стать лишь самый чистый, самый лучший из людей, но Раймон... Раймон – это маленький дьяволенок, и ничего больше.

– Так вы хотите распять дьяволенка? Принести его в жертву? Простите, но я мог бы обвинить вас в своеобразной мести дьяволу...

– Ради спасения своих братьев я принесу тысячу таких дьяволят, больше. Мне безразлично, как вы это назовете. Раймон никогда не станет Совершенным, он будет сидеть на троне Тулузы и защищать нас – катар. И это будет правильно и справедливо. Аминь.

– Аминь. – Прозвучало у меня за спиной. Я дернулся. Рядом со мной стоял Раймон.

Искушение Раймона

– Прирезать? – я тихо тронул Романа за плечо, он отвернулся, смахивая слезы.
– Астролога? Бог с ним – пусть живет, небо коптит, что мне до него, только грех на душу брать.

– А катара? – Я первым ухватился за лестницу, поддерживая мальчика.

– Перед посвящением? Дурак.

– Так вы все-таки собираетесь? – От волнения, я чуть не потерял равновесие, но вовремя удержался на месте, прижимая лестницу и стоящего на ней Раймона к стене.

– Это мой путь. Астролог же сказал – подальше от власти.

– Но он еще сказал, что вы избраны, что без вас Тулуза погибнет. Все мы...

– Что мне все? – Раймон презрительно засмеялся. – Как рассветет – в общину. Я был кротким месяц. Если здесь еще немного проживу, точно кого-нибудь порешу.

Мы достигли земли, и я, спрыгнув, подал Романа руку.

Весь следующий день мы провели в седлах, редко отдыхая и варя на привалах походную кашу. Романа был мрачнее обычного и ни с кем не разговаривал. Двигались мы, однако, медленнее, чем в прошлый раз, поэтому к Ла-Рош-сюр-Йон, где собирались заночевать, не успели добраться до заката.

Сумерки делали леса таинственными и волшебными. Один из воинов взял в руки трехструнную гитару и тихо запел старинную балладу. Романа не захотел заночевать в лесу, и мы двигались теперь по проселочной дороге в сторону ближайшей деревеньки, где рассчитывали найти приют.

Меж деревьев невдалеке поблескивало озерцо. Над водой клубилась легкая дымка, точно шарф подводной дамы. Чьей-то дамы сердца. Интересно, есть ли у меня сердце? А у Раймона? А если сердца нет, полагается ли иметь даму сердца?

Благодаря моему росту и телосложению многие бывалые воины почитали меня за старшего. Мне же шел двадцать первый год жизни. Никчемной, если подумать, жизни. Моей дочери уже, должно быть, исполнилось года два, жива ли она? Хотя, что с ней делается?

Я чуть было не заснул в седле, когда кто-то из лучников толкнул меня в бок. Я тут же протер глаза. Откуда-то доносился устойчивый запах гари.

– Деревня должна быть справа? – Я поднялся на стременах и сделал отряду знак остановиться.

– В чем дело? Там, должно быть, разбойники грабят крестьян! А мы, рыцари, будем стоять и смотреть? – налетел на меня Раймон.

– Зачем же смотреть, можно и отвернуться. – Я сплюнул. – Мое дело доставить вас в целости и сохранности, а не бегать по полям и лесам за лихими людишками, да в поисках чужих стрел для своего мяса.

– Тогда я сам пойду в деревню. И пусть меня убьют! – Конь под Романа рыл копытами землю.

Я махнул старшему, чтобы тот подъехал поближе. Решение далось мне не малыми усилиями. Раймон молод и безоружен. Его нужно охранять, но и людям нужна помощь. Я разделил отряд надвое. Половину отослал вперед в горящую деревню, с другой половиной решил пройти мимо, по возможности не ввязываясь в бой и защищая Раймона.

На первый взгляд все складывалось вполне нормально, но не успел передовой отряд скрыться за поворотом дороги, а наш перестроиться для нового марша, как вдруг на дорогу рухнуло здоровенное дерево, напугав коней, скачущих перед отрядом, герольдов. Двое юношей рухнули наземь, я схватил поводья коня Раймона левой рукой, и, прикрывая себя и молодого хозяина щитом, повернул на боковую тропку.

Идущие за нами повозки с провиантом и оружием не могли повторить этого маневра, и оказались отрезанными.

Несколько воинов последовали за нами, но я сосредоточился на защите Раймона, полагая, что лучники сумеют позаботиться о себе сами.

Сразу две стрелы врезались в мой щит, я пришпорил коня, не разбирая дороги, и стремясь любой ценой вырваться из кольца засады.

Ветки стегали нас по плечам, под Романе встрепенулась, встала на дыбы и тут же рухнула лошадь. В последний момент я успел сгрести юного господина и перетащить его на круп своего коня.

Вскоре мы вырвались из леса, и тут же навстречу моему коню вылетели два всадника. Я спихнул Раймона на землю, и он скользнул в густую рожь, сам же я бросил на землю щит, и, обнажив огромный меч, ринулся навстречу врагам. Меч первого всадника оказался на локоть короче моего. Так что я успел сразить противника еще до того, как его меч сделался для меня опасным, после чего мой конь умчал меня навстречу со вторым нападавшим. Не успев поднять меч во второй раз, я развернул его острием навстречу врагу, точно это не меч, а турнирное копье, и наклонил голову так, чтобы через прорезь в шлеме не видеть, что произойдет.

В последний момент конь подо мной дернулся, а меч с глухим чавком вошел во что-то твердое. Я чуть было не вылетел из седла, ошалело сбрасывая с себя еще дергающееся тело противника и обливаясь его кровью.

Давясь кровью и пеной мой конь сделал еще пару шагов и рухнул в траву. Оказывается меч второго нападавшего чиркнул его по шее, так что после сшибки я скакал на мертвом жеребце.

Я огляделся. Стемнело. В лиге от меня догорала деревня, оттуда слышались крики и звуки боя. Романе я оставил к югу от деревни. Не вытирая меч я побежал, что было сил, в ту сторону, где по-моему, ждал меня молодой господин.

Когда я почти уже разглядел накренившееся дерево, и стоящего под ним человека, откуда ни возьмись на меня набросились трое убийц.

Увидев, что мне не до него, безоружный Раймон зашел за дерево слившись с ним. Я бился как черт, со стороны деревни мне на помощь бежал паж Людовик. Ловко орудуя цепью, он взял на себя одного из нападавших, стараясь садануть врагу по открытой голове или затянуть это гибкое оружие на шее.

Отбиваясь от своих противников, я не мог отослать Людовика к Раймону, или послать его за подмогой. К слову, оба моих разбойничка были отличными мечниками, так что мне пришлось повозиться, прежде чем удалось обезоружить хотя бы одного из них, отрубив ему кисть руки, все еще сжимающую меч.

Я оглянулся в сторону Раймона, но вместо него увидел лишь одетую в светлую рубашонку босоногую девочку, со всех ног улепетьвающую от несущегося за ней негодяя. С той стороны уже пылала рожь. Валяющийся у меня под ногами негодяй тщетно пытался остановить кровь, сжимая искалеченное запястье и вопя так, что я не слышал ни криков девочки, ни звона наших мечей. Раймона я не видел.

Отбивая очередной удар, я заметил, что паж, наконец, уязвил своего противника, саданув ему цепью по глазам.

Присев я пропустил над своей головой меч, срезавший мой плюмаж и одновременно с тем увидел, что разбойнику удалось-таки схватить девку за длинную косу. Остановив ее бег, он бросил беглянку на землю и покрыл ее своим телом.

В тот же момент слева от меня послышался стук копыт и возникший точно из-под земли, а точнее из моря огня всадник, чуть было не затоптал меня своим конем.

Отчаянным движением я отсек, наконец, голову своего пешего противника, и кинулся под копыта коня, пытаясь проткнуть брюхо животного.

В тот же момент лошадь обрушалась на меня всем своим весом, дергаясь в предсмертных судорогах и нанося мне новые и новые удары мощными копытами.

Как потом выяснилось, несколько наших лучников, которых я отправил в деревню в составе передового отряда пришли к нам на подмогу, заметив, что мы попали в засаду. Один из них и сразил вражеского коня, попав стрелой ему в глаз.

Выбравшись из-под конской туши, я не сразу сумел понять, что все закончилось, крутясь на месте с обнаженным мечом в руках и ожидая нового нападения.

Горела рожь, вместе с ней горели свежие трупы людей и животных.

Спасший меня лучник деловито вытаскивал из головы коня свою стрелу. Увидев, что я смотрю на него, лучник кивнул мне продолжая свое дело. Двое наших тут же, стаскивали кожаные доспехи и сапоги с мертвого разбойника. Того, который по моей вине утратил кисть, тащили к дереву, по дороге налаживая веревку. Тут же веселый и возбужденный больше обычного Людовик хвастал перед своим командиром недавно совершенным подвигом, помогая тому стягивать с раненого плеча порванное в нескольких местах, красное от крови и черное от копоти сюрко. Словом, воины занимались привычными делами.

Я нашел глазами Раймона. Мальчишка стоял посреди пылающей ржи с окровавленным мечом в руках и плакал. Перед ним на коленях стояла спасенная им девочка и тоже выла, что было сил, цепляясь за его одежды и целуя ноги.

Коса девчонки была толщиной с мою руку, и это было удивительно красиво.

Меж тем, безрукого раздели донага, и удавили на яблоне. Я услышал стон, чуть ли не у меня под ногами – лучник вырывал стрелу застрявшую в груди еще живого разбойника. Спокойно и деловито его друзья искали свои стрелы, изымая их из трупов и раненых.

Я подошел к Раймону и приобняв его за плечи подвел к остальным. Он плакал.

Несмотря на то что просьба графа любым способом помешать его сыну выдержать пост и получить посвящение неожиданным образом исполнилась, мне было искренне жалко Романа, потерявшего свою мечту не из-за собственного неразумного или злого проступка, а поднявшего меч ради того, чтобы защитить женщину.

Утро застало нас за похоронным делом. Из ста отборнейших тулузских воинов у меня осталось восемьдесят. Причем пятеро опасно раненных. Добравшись до соседней, не потревоженной разбойниками деревни, мы потратили сутки на приведение себя в должный вид, а также покупку лошадей и провианта. Раненых нам пришлось оставить там, снабдив их какими-то деньгами, и пообещав выслать за ними отряд. Потеряв двадцать человек, я не хотел утратить еще и этих пятерых. Замечательно, что ни Раймон, ни я не были ранены. Несмотря на то что на мне, что называется, не было живого места, а лицо опухло и почернело от синяков, я старался не думать об этом.

Бриллиантовый крест

Отъезд отряда был запланирован на следующее утро, ночью Раймон велел через пажа, развлекающего господина вечерними песнями, чтобы я пришел к нему.

– Анри! – Раймон велел мне приблизиться к своему жесткому ложу, – я хотел поговорить с тобой. Милый Анри. – На секунду он посмотрел на мое лицо и отвел взгляд. – Я нарушил пост и прикоснулся к оружию. – Он глубоко вздохнул. – Это значит, что мечте моей не суждено сбыться. Я потерпел поражение и после возвращения в Тулузу отец подберет мне невесту. А значит, я никогда, никогда уже не смогу... – он сжал кулаки. – Катары ни за что не согласятся принять человека, не выдержавшего испытания. Горе мне! Горе! Горе! – Он ударил кулаком по деревянному настилу, на котором лежал.

– Зато наши рыцари будут прославлять вас за этот подвиг, трубадуры будут петь прекрасные песни, которые не умрут в веках! Ваша жертва сеньор никогда не будет забыта и потомки...

– Молчи Анри! Молчи. И без тебя тошно! – Раймон вдруг порывисто сел, стиснув мою руку. – Анри – ты друг мне? Ты выполнишь то, о чем я тебя попрошу сейчас? Поклянись, что исполнишь одно мое желание, и я вознагражу тебя по-королевски.

– Мне ничего не нужно, мессен, – я поцеловал руку Раймона. – Клянусь вам, что я постараюсь сделать все, что вы прикажете, если это не будет расходиться с приказом вашего благородного родителя и уставами рыцарского ордена, к которому мы оба принадлежим.

– Можно подумать, что ты чтить устав, – ухмыльнулся Романе.

– Если бы я его не чтил, меня бы оттуда давно уже попросили, а значит, я не смог бы сопровождать вас на собраниях. А зачем нужен телохранитель, который не может везде следовать за своим господином?..

– Ты не можешь думать ни о чем другом, кроме собственной выгоды. – Раймон поморщился, брезгливо отталкивая мою руку. – Короче, ты помнишь девку, которую я спас?

– Конечно. Ее коса снится мне по ночам. Трубадуры... – Я почувствовал неладное.

– Я приказываю тебя взять нескольких проверенных воинов, отправиться в ту деревню и перерезать всех оставшихся там жителей от мала до велика. Что же касается этой белокурой ведьмы, то я хочу, чтобы ты сначала отдал ее лучникам, а затем отсек голову и, привязав ее за косу к нагруднику своего коня, вернулся ко мне.

– Но мессен! Спасти прекрасную донну, для того чтобы после убить ее?! – не заметив как, я перешел на крик.

– А разве она не убила мою мечту? Разве она не разрушила все то, к чему я так стремился? Что желал всей душой? Что тебе жизнь какой-то крестьянки рядом со страданием твоего сеньора?! Отвечай – ты сделаешь это или нет?!

– Нет. – Я встал на колени перед Раймоном. – Ваш отец не одобрил бы такого решения, да и вы сами уже завтра пожалеете о своем приказе. Я не сделаю этого.

– Но мой отец покарает тебя заслушание!

– Пусть покарает. Я рыцарь и призван защищать мирных людей, а не убивать их словно ночной разбойник. – Я встал и повернулся уходить.

– Постой! – Раймон схватил меня за плащ. – Постой, Анри! После смерти моего отца я стану графом и тогда мне понадобятся верные и готовые на все ради меня люди. Я отдам тебе пост главнокомандующего всеми тулузскими войсками, Анри! Разве не стоит пост главнокомандующего жизни одной простолюдинки? Ты поедешь в деревню ночью, когда все спят, возьмешь с собой пятерых преданных людей – никто не узнает о том, что произойдет. А если слухи все же дойдут до моего отца – ты всегда сможешь сказать, что это я принудил тебя совершить мою месть.

Я задумался. Пост главнокомандующего и вправду был королевской наградой, да и девчонка, с ее сказочными волосами, была для меня желанным подарком.

– Хорошо. Я выполню все, что вы приказываете. – Я поклонился Раймону.

– Выполнишь?! – Его лицо теперь искажала гримаса ужаса. – Но ты же сказал, что долг рыцаря защищать мирных людей.

– Я клялся Тулузе, а это Анжу.

Какое-то время мы смотрели в глаза друг другу.

– Хорошо иди, – наконец выдавил из себя Раймон. – Повеселись там как следует.

– Да уж, этого я не упущу.

Обойдя деревню и собрав пяток своих верных людей, я велел им взять с собой по колчану стрел и опоясаться мечами, после чего мы сели на коней и поскакали знакомой дорогой.

Деревня, защищая которую я потерял двадцать человек, была сожжена лишь наполовину. Возможно, следовало незамысловато подойти к деревне с разных сторон и подпалить оставшиеся после набега разбойников дома, но я боялся, что в общей панике могу не сыскать длинноволосую. Поэтому я решил явиться в деревню открыто, и, собрав жителей возле церквушки, сначала отделить от всех девку, и только после этого цинично расстрелять всех находившихся там крестьян. Мой план одобрили лучники. Поль, который был в деревне после сражения, закупая провизию, предложил поехать вперед, так как его там уже знают, а значит, примут как старого знакомого и не почувствуют подвоха.

Мы уже хотели въезжать в деревню, когда за нами на дороге послышался стук копыт, а в лесу замигали факелы. Мои ребята взвели тетивы, готовые поразить первых нападавших, но неожиданно перед нами предстал сам Раймон в окружении наших же воинов.

– Неужели, Анри, ты действительно собрался совершить такое?! – закричал он своим ломающимся юношеским голосом. – Хлыст в его руках свистнул в воздухе больно ужалив меня в щеку.

– Должность главнокомандующего – хорошая плата. – Я стер кровь и опустил перед Раймоном на колени. Меня душили обида и стыд. – Вам хорошо известно сеньор, что я дворянин и рыцарь, и вы, чтобы я ни совершил ужасного, не имеете права бить меня словно какого-нибудь простолюдина.

– Ты продал свое рыцарство за тридцать сребренников! – Он снова поднял хлыст, но теперь уже я перехватил его, дернув к себе и обезоружив не ожидавшего подобного маневра подростка.

Неожиданно Раймон соскочил с лошади и, упав на колени, порывисто обнял меня за плечи.

– Прости меня, Анри, – брат мой! Чем я лучше тебя, если хотел заглушить боль собственной души чьим-то страданием! Чем я, приказавший убить, лучше тебя, который готов убить по первому же приказу? Ничем – друг, брат мой! Моя душа погублена и проклята во веки веков. Прости меня, брат мой. – Разорвав на груди шнурки сюрко, он сорвал с себя золотой с бриллиантами крест и, поцеловав его, надел на меня. – Не было еще в мире человека более дорогого мне, чем ты! Прими же мой крест! Прими его, как я теперь принимаю на себя твои грехи!

Он заплакал, и поднявшись, снова скользнул в седло своего коня.

– Запомни Анри, придет час суда, и тогда я взойду на голгофу, но первым делом отвечу за все твои прегрешения, потому как теперь, я твой должник, и долг свой я отдам сполна!

В ту же ночь, дверь дома, в котором мы с Раймоном разместились на ночь, приоткрылась и на мою подстилку нырнула спасенная Романе девочка. Тщетно я пытался отослать ее к рыцарю, спасшему ей жизнь и больше, нежели я, достойного награды. Красотка только целовала меня, шепча, что Раймон еще совсем дитя, и от него ей не будет ни радости, ни пользы. В то время как ребенок, которого она понесет от меня, будет таким же сильным и могучим,

как и его отец. А значит, он станет великим воином и сумеет защитить и ее и себя, пробив себе дорогу в жизни.

Никогда я не отказывал прекрасным доннам, и заколдованным в простых прачек и крестьянок принцессам. Так что, меня не пришлось долго уговаривать, и если от меня и зависело зачатие чудо-младенца, то в ту ночь я сделал все, что мог. Ночь принесла мне радость, утром, пока все спали, я простился со своей феей, чтобы сохранить ее образ в своей памяти.

Впрочем, я никогда не испытывал недостатка в женщинах.

Раймон и куртизанка

По возвращению в Тулузу добрейший граф Раймон и правда, сообщил сыну о своем намерении женить его. Невестой была избрана несравненная Эрмезинда де Пеле⁶, род которой был равен королям, а красота уже тогда воспевалась трубадурами. К отцу прекрасной мадонны Эрмезинды было отправлено посольство с дорогими подарками и предложением выдать дочь за старшего сына и наследника Раймона Пятого, Романа.

Все это мой юный господин принимал с похвальной покорностью судьбе и необыкновенной кротостью.

Вскоре от благородных родителей донны пришел благоприятный ответ. Ввиду юности жениха и невесты брачный договор был подписан пока на бумаге, обручив, таким образом, Романа и Эрмезинду.

Само венчание должно было произойти через три года, когда Романа и его нареченной исполнится по четырнадцать лет.

За полгода до назначенного дня весь двор принялся готовиться к приезду невесты и долгожданной свадьбе. Шла подготовка к праздничному турниру, танцам и свадебному пиру. Граф выделил из казны деньги на ремонт главного храма, в котором и должно было совершиться венчание.

В один из таких полных веселой предпраздничной суеты и радостных хлопот дней Романа подошел ко мне и признался, что не имел до сих пор опыта общения с женщинами.

Я смутился, так как знал о любовных похождениях юного господина с придворными дамами, но Раймон убедил меня, что эти приключения не стоит брать в расчет, так как служащие при дворе его матери девицы готовы оказывать услуги многим влиятельным господам, независимо от личных достоинств последних.

Мне пришлось согласиться с ним, действительно, для того чтобы завоевать любовь простодушки следовало лишь поманить ее пальцем, для того же чтобы переспать с придворной дамой, иной раз, нужно было всего лишь не запирать своей двери.

– Я хотел бы познакомиться с женщиной, которая не знала бы кто я такой. Пусть меня представят как молодого и небогатого дворянина прибывшего в Тулузу с тем, чтобы сразиться на турнире или найти себе службу в одном из замков. Мне хотелось бы заслужить ее благосклонность, как это делают другие. Скажем, что я подданный инфанта Фуа, который сейчас гостит у моего отца, небогатый дворянин. Так ей будет сложнее выведать обо мне. А значит, она не станет врать, и я буду уверен, что если и обрету благосклонность, это будет моей личной заслугой, а не авансом в счет будущей короны.

---

⁶ Эрмезинда де Пеле первая супруга Раймона VI, умерла в 1176 г., когда Раймону было около 20 лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.